

Любовь – это вопрос жизни и смерти

КЭТРИН ПАРДИ

РАССВЕТ
КОСТЯНОЙ
ВОЛШЕБНИЦЫ

Кэтрин Парди
Рассвет костяной волшебницы
Серия «Young Adult. Запретная магия»
Серия «Костяная волшебница», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69250048

Рассвет костяной волшебницы / Кэтрин Парди: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-187268-7

Аннотация

Бестселлер The New York Times

«Рассвет костяной волшебницы» — долгожданное продолжение романа «Луна костяной волшебницы». Вторая книга дилогии.

Романтическое фэнтези, наполненное опасной магией и богатой мифологией. Уникальный волшебный мир, в котором властвуют Костяные волшебницы. Они черпают мощь из костей умерших животных, но ради получения силы должны приносить ужасные жертвы.

Священный долг каждой костяной волшебницы — переправлять души умерших в другой мир. Так они сохраняют равновесие среди живых.

Желая помочь, Сабина провела обряд, чтобы призвать и убить возлюбленного своей сестры. Но в ночь ритуала явился не тот,

кого она ожидала, и теперь принц Казимир удерживает Аилессу в плену.

Сабина и Бастьен отправляются в замок, чтобы ее спасти. Ведь смертельная опасность грозит всем душам. Аилесса – единственная, кто может исполнить песню на костяной флейте и открыть врата в Загробные миры. Но чтобы освободиться? ей придется убить того, кто предназначен ей судьбой.

«Книга, наполненная богатой мифологией, смертельной романтикой и фантастическими персонажами – совершенно потрясающе!» – *Стефани Гарбер, автор бестселлера «Караваль»*

«Волшебная история о сострадании, прощении и принятии себя. Возможно, эта книга и разобьет вам сердце, но она также согреет душу». – *Джоди Мидоуз, автор бестселлера «Моя леди Джейн»*

Для фанатов Стефани Гарбер, Рошани Чокши, Брианы Шилд, а также Ли Бардуго.

Содержание

1. Сабина	8
2. Аилесса	25
3. Бастъен	40
4. Аилесса	48
5. Сабина	61
6. Бастъен	77
7. Аилесса	90
8. Сабина	104
9. Бастъен	116
10. Аилесса	132
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Кэтрин Парди

Рассвет костяной

волшебницы

Kathryn Purdie

BONE CRIER'S DAWN

Copyright © 2021 by Kathryn Purdie

© О. Норицына, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Иллюстрация на переплете XINSHI##

Художественное оформление А. Андреева

* * *

*Моей матери Элизабет
За искреннюю веру в меня с самого первого дня*

1. Сабина

– Сабина, берегись! – Низкий и грубоватый голос Жюли доносится из шахты наверху.

Я едва успеваю отойти в сторону, как она скатывается в туннель. Поток воздуха достигает свечи Бастьена, и пламя с шипением гаснет. И мы остаемся в абсолютной темноте.

– *Merde*, – ругается Бастьен.

– Расслабься, – говорит Жюли. – У Марселя в рюкзаке всегда есть огниво.

– И еще одна свеча, – добавляет Марсель.

– Великолепно, – радуется она. – Гроза сильно разбушевалась. А значит, самое время разрушить эту стену.

Мы забрались в шахты под катакомбами недалеко от Бо Пале, замка, в котором живет принц Казимир, удерживающий в плену Аилессу. Но скоро это изменится. И от этой мысли мое сердце начинает биться быстрее.

Сегодня мы спасем мою сестру.

Спустя несколько секунд кремень и сталь ударяются друг о друга. Мягкое свечение охватывает фитиль свечи, и на нем разгорается яркое пламя.

Мы с Бастьеном тянемся к свече. Союз с парнем, который любит Аилессу – и которого умудрилась полюбить она, – в лучшем случае можно назвать хрупким. А то, что его друзья помогают освободить ее из рук похитителя, не означает, что

я простила их за то, что они сами держали ее в плену.

– Я сам! – объявляет Марсель.

– Подожди! – восклицает Жюли, смотря на брата широко раскрытыми глазами.

Но уже поздно. Он успевает опустить свечу к пороху.

Свист.

Огонь с яростью устремляется к бочке.

Жюли рывком поднимает Марселя на ноги, Бастьен разворачивается и бежит по туннелю подальше от взрыва, а я несусь за ним, подталкивая в спину. Аилесса никогда не простит мне его смерть. Мы мчимся вперед, пока плотная атмосфера не поглощает свет и звуки позади нас. Нервы напрягаются в ожидании взрыва. А вдруг огонь потух до того, как добрался до бочки? Я оглядываюсь через плечо.

БУМ.

Сильная ударная волна накрывает нас, и я врезаюсь в Бастьена, после чего мы падаем на землю. Секунду спустя на нас приземляются Марсель и Жюли. Туннель заполняется известняковой пылью, а по воздуху проносятся осколки камней, острые края которых царапают мне рукава. Но наконец хаос стихает и сменяется кружащимися крупными хлопьями пепла.

Несколько долгих мгновений никто не двигается. Со стороны мы, наверное, напоминаем сплетенный комок из рук, ног и голов. Но вот Марсель соскальзывает с наших тел, отчего его растрепанные волосы слегка подпрыгивают.

– Кажется, я недооценил силу взрыва.

– Я убью тебя, – стонет Жюли. Она соскальзывает на пол и принимается стряхивать пепел и пыль со своей золотистой косы. – Молись, чтобы этот грохот приняли за гром, ведь иначе не успеем и глазом моргнуть, как туннель заполнят солдаты Бо Пале.

Мы специально ждали сильной грозы, чтобы скрыть взрыв, но, как назло, она началась в новолуние. В Ночь Переправы. И если наша попытка не увенчается успехом, то мне придется самой вести *famille* по сухопутному мосту, чтобы перевести души усопших, – священный долг каждой Леуррессы, возложенный на нас богами Загробного мира, от которых мы произошли. Вот только я не могу повести за собой *famille*. Аилесса – единственная из живых, кто знает, как исполняется на костяной флейте песня, открывающая Врата в Загробные миры. Она должна была стать *matrone*, а не я.

Я встаю с Бастьена и протягиваю ему руку, чтобы помочь подняться. Он колеблется, но затем выдыхает и обхватывает мою ладонь. Несмотря на наши пререкания, мне без него не справиться. Мы найдем Аилессу быстрее, если станем действовать сообща.

Как только он встает рядом со мной, мы смотрим на дыру, которая образовалась после взрыва и из которой льется туманный серый свет. Я делаю глубокий вдох. Спустя пятнадцать долгих дней мы наконец можем пробраться в Бо Пале.

– Все готовы? – Бастьен осторожно потирает спину в том

месте, куда моя мать ударила его ножом.

Рана все еще заживает. И лишь последнюю неделю он ходит не морщась.

Жюли кивает и поправляет плащ. Я сжимаю кулаки. Марсель устраивается поудобнее. Он останется здесь на страже, и если кто-то обнаружит туннель, то Марсель подожжет небольшую взрывчатку с серой и зернами перца. Почувствовав эту вонь, мы сразу поймем, что возвращаться этим путем нельзя. А Жюли останется следить за входом в замок наверху.

Бастьен жестом указывает Жюли и мне двигаться вперед. И мы втроем направляемся к дальней части туннеля. Я первая добираюсь до стены и начинаю карабкаться по обломкам. Сквозь образовавшуюся после взрыва метровую дыру я вижу сухой колодец замка, выложенный речным камнем. Его строительство еще не завершено. Король Дюранд, отец Казимира, приказал построить его взамен колодца, расположенного за пределами замка.

Пока Бастьен и Жюли выискивали любую информацию о Бо Пале в Довре, мне пришлось проводить большую часть своего времени в Шато Кре с *famille*.

Леурресс потрясло известие о смерти Одивы. Я не стала вдаваться в подробности, а лишь рассказала, что наша *matrone* погибла, пока переправляла с Аилессой души по древнему мосту в подземной пещере. Ведь если бы они узнали, что Одива прошла через Врата Подземного мира, чтобы

воссоединиться со своим возлюбленным — моим отцом, которого боги не выбирали на роль ее *amouré*, — это вызвало бы множество проблем. Как только Аилесса вернется и по праву займет место *matrone*, она сама решит, что рассказывать о нашей матери. Я же с радостью готова оставаться в ее тени.

Я прыгаю на противоположную сторону колодца, где хватаюсь за железную перекладину, а затем начинаю взбираться по лестнице, оставленной копателями колодца. Сегодня их нет в замке. Во время проведения Ла Льезон работают лишь артисты и те, кто готовит еду для проведения трехдневного фестиваля.

Мы надеялись пробраться в замок через главные ворота, но король Дюранд не устраивает общественных гуляний. Говорят, он сильно болен. Вот только он болеет уже давно, а ворота замка закрыли лишь тогда, как принц Казимир привез сюда Аилессу.

Жюли запрыгивает на лестницу вслед за мной. Мне остается лишь позавидовать ей из-за кожаных легинсов, прикрывающих ее ноги. Потому что постоянно задеваю туфлями подол своего синего платья.

Бастьен вылезает последним, и мы втроем взбираемся вверх по восемнадцатиметровой лестнице. Сам колодец закрыт железной решеткой, которую приходится сдвигать в сторону, отчего воздух пронзает громкий скрежет. Но его заглушает очередной раскат грома. Хорошо хоть, нас не заливает дождем, потому что мы находимся в узкой башне, где

решили вырыть замковый колодец.

Я подкрадываюсь к двери и заглядываю в маленькое окошко в верхней части. Большая часть двора скрывается за стеной проливного дождя – даже кость благодати от козодоя не помогает, – но зато удастся разглядеть сине-золотые полосатые навесы, растянутые по периметру. Под ними перемещаются слуги, стараясь как можно быстрее добраться до другой половины двора. Один из навесов растянут над арочным проходом, ведущим внутрь замка, – вход, которым мы планируем воспользоваться.

Бастьен снимает пыльный плащ и бросает его Жюли. Под ним скрывалась простая одежда солдата, охраняющего темницы замка. Я тоже сбрасываю плащ и заправляю несколько выбившихся прядей под чепчик служанки. Прячу ожерелье с костями благодати, чтобы его никто не разглядел в вырезе строгого платья, которое для меня украл Бастьен. А под передник прикрепляю костяной нож в ножнах.

Бастьен поворачивается к Жюли:

– Скоро увидимся.

– Постарайся не терять голову, хорошо? – Она сидит на краю колодца, все еще тяжело дыша после подъема. – Если не получится вытащить ее сегодня, не геройствуй. Мы придумаем что-нибудь еще. У нас есть в запасе десять с половиной месяцев, прежде чем...

– Все получится. – Он слегка стискивает челюсти. – Пошли, Сабина.

И не давая Жюли сказать что-то еще, Бастьен выскальзывает через двери.

Я быстро следую за ним. Мне тоже не хочется обсуждать магию, связывающую души Аилессы и Казимира, которая, как считал Бастьен, соединяла его с ней. Пока мы не узнали правду. Теперь Аилесса должна убить Казимира в течение года, начиная с момента, как боги переплели их судьбы, или она умрет вместе с ним. И я позабочусь о том, чтобы это произошло до того, как мы покинем замок. Вручу ей костяной нож и уговорю спасти свою жизнь.

Мы с Бастьеном шагаем под дождем к арочному проходу, ориентируясь на карту Бо Пале, которую он нарисовал после разговора с уволенным слугой замка. «После трех кружек эля мужчина выложил мне все как на духу», – рассказывал мне Бастьен.

Оказавшись внутри, мы стряхиваем с себя капли и осматриваем фойе с каменными стенами, которое слева направо пересекает длинный коридор. А прямо находится большой зал. Вокруг снуют слуги, расставляя золотые блюда и кубки на нескольких столах. Гирлянды из ярких цветов позднего лета обвивают высокие колонны, которые поддерживают сводчатый потолок. Синие знамена с вышитым золотистой нитью солнцем – знак Довра, выбранный, чтобы почтить бога солнца Белина, – висят рядом с зелеными знаменами, на которых изображено дерево, символ богини земли Гаэль. Говорят, Ла Льезон проводят, чтобы задобрить двух богинь пе-

ред сбором урожая.

Мы с Бастьеном обмениваемся быстрыми взглядами и ки-ваем друг другу, а затем расходимся в разные стороны. Он уходит налево, а я направляюсь направо. Ему необходимо добраться до темницы, я же спешу к лестнице на третий уро-вень. Вдруг Аилессу заперли в одной из комнат королевских покоев наверху.

Но едва я успеваю сделать несколько шагов, как в полуто-ра метрах от меня из-за колонны большого зала выходит кра-сивый парень со светлыми волосами. Мое тело напрягается, а кровь в венах холодеет, после чего вдруг начинает кипеть.

Принц Казимир.

Сегодня он надел облегающие бриджи, свободную льня-ную рубашку и бордовый камзол. А середину лба пересекает тонкая золотая полоска короны.

Он еще не заметил меня, но я не могу заставить себя по-шевелиться. Образы произошедшего в последнее полнолу-ние всплывают в голове: как Казимир забирает кости благо-дати Аилессы и подхватывает ее на руки; как Аилесса сопро-тивляется ему, несмотря на капающую с раненой ноги кровь; как я сражаюсь с солдатами принца, чтобы добраться до нее; как Бастьен беспомощно лежит на мосту, истекая кровью от ножевого ранения.

– Можете добавить еще полевых цветов? – спрашивает Казимир у служанки, пока рассматривает гирлянду, обвива-ющую одну из колонн. – Аилесса их обожает.

– Конечно, Ваше Высочество.

– Хочу, чтобы ее сегодняшняя встреча с моим отцом прошла идеально.

Я тут же цепляюсь за его слова: «Цветы для Аилессы? Встреча с королем?» Я бросаю взгляд на Бастьена. Он укрылся за деревом в горшке, стоящем в углу между большим залом и прилегающим к нему коридором. Судя по его нахмуренным бровям, он в таком же недоумении от услышанного, как и я. Как Аилесса сможет присутствовать на ужине с отцом Казимира? Разве ее не держат взаперти?

– Все исполним, Ваше Высочество. – Служанка кланяется, и Казимир начинает поворачиваться в мою сторону. Я тут же разворачиваюсь и подхожу к ближайшему столу, делая вид, что поправляю тарелки. Хотя у меня безумно чешутся руки схватиться за костяной нож. С какой бы радостью я это сделала прямо сейчас. Но тогда умрет и Аилесса. Их жизни сплетены воедино. И именно она должна взять в руки ритуальный клинок и убить своего *amouré*.

До меня доносятся шаги принца, медленно приближающегося ко мне. И от этого пульс стучит все быстрее. Опустив голову, я возношу молитву богине Ночных Небес: «Элара! Не дай ему узнать меня».

– Прости, но ты новенькая?

Я напрягаюсь, продолжая стоять к нему спиной.

– Да, – пишу я.

– Как тебя зовут?

Я могла бы убежать. Обладая скоростью козодоя, я могла бы добраться до третьего этажа так быстро, что у Казимира не осталось бы и шанса меня поймать. Знать бы только, в какой из комнат находится Аилесса. Ведь пока я буду ее искать, он успеет поднять по тревоге весь замок.

– Жинетт, – бормочу я, делая вид, что стесняюсь.

– Жинетт, я твой принц и будущий король. – Голос Казимира наполнен теплом и очарованием, вскружившим мне голову в нашу первую встречу.

Как сестра Аилессы я провела обряд, чтобы призвать и убить *amoué* Аилессы, ожидая, что появится Бастьен. Но вместо него пришел Казимир, и на несколько чудесных и ужасных мгновений я решила, что он мой *amoué*.

– Не бойся меня, – говорит он. – Я отношусь к своим слугам с уважением.

Я не смогла удержаться от насмешки:

– А как ты обращаешься со своими пленниками?

Нет никакого смысла притворяться и дальше. Не имеет значения, убегу ли я или встречу с ним сейчас, он все равно меня обнаружит.

– Ты не завоюешь Аилессу цветами, золотом и притворным уважением. Она всегда будет видеть в тебе лишь похитителя.

Он тихо вздыхает, но это не укрылось от меня благодаря слуху шакала.

– Сабина? – спрашивает Казимир.

Вздернув подбородок, я поворачиваюсь к нему лицом. Казимир смотрит на меня широко раскрытыми серо-голубыми глазами. И мне приходится приложить усилия, чтобы сохранить вызов в своем пылающем взгляде. В его сдержанности скрывается мудрость, понимание и сила. Так что приходится напомнить себе, что именно он украл мою сестру.

– Где ты держишь Аилессу? – требовательно спрашиваю я.

А затем вытаскиваю свое ожерелье и опускаю косточки благодати на лиф платья. Три кости благодати висят рядом друг с другом – череп огненной саламандры, подвеска в виде полумесяца, вырезанная из бедренной кости редкого золотого шакала, а еще лапа с когтем козодоя.

Два гвардейца, стоявшие у стены, делают шаг вперед, но Казимир поднимает руку, чтобы остановить их. Может, он и не понимает, кто перед ним – и кто Аилесса, – но знает, что кости даруют силу.

– Аилесса не пленница. Я пригласил ее погостить в замке, и она согласилась.

Вранье! Аилесса никогда бы так не поступила.

– Тогда скажи ей, что я бы хотела с ней встретиться.

– Ты же знаешь, что я не могу допустить этого. – В его голосе столько спокойствия, что это просто бесит. – Ты пыталась убить меня, Сабина. Тебе не рады в замке.

Злость золотого шакала накрывает меня. И я выхватываю костяной нож, спрятанный под фартуком. Казимир мгновенно

но достает украшенный драгоценными камнями кинжал. А через секунду наши клинки одновременно прижимаются к горлу друг друга. Острое его кинжала прижимается к сухожилию на моей шее.

– Как изменится отношение Аилессы к тебе, когда она узнает, что ты убил ее сестру?

– Так же, как изменится ее отношение к тебе, если ты...

Громкий крик пронзает уши, заглушая остальные слова, а в его зрачках появляется маленький силуэт. Птица с белой мордой в форме сердца.

И пока я смотрю на Казимира, птица почему-то становится все больше. Я ахаю. Это видение. И я вижу серебряную сову – птицу богини Элары. Она не появлялась передо мной ни в физической, ни в прозрачной форме с той ночи, когда Казимир похитил Аилессу. Никто из Леурресс не рассказывал о подобных видениях, но серебряная сова уже дважды показывалась мне. И оба раза это оказывалось связано с моей сестрой.

Достигнув своего реального размера и расправив крылья, сова зависает перед Казимиром. Он не видит птицу, а смотрит сквозь нее прямо на меня. И я вдруг понимаю, что она защищает его.

Не понимаю. Ведь серебряная сова хотела смерти Казимира. Она заставила меня убить золотого шакала, вырезать флейту из его кости и использовать ее, чтобы приманить принца во время обряда. Я могла бы убить его в тот момент,

и это не повлекло бы за собой смерть Аилессы. Обряд защитил бы ее.

Сова взмахивает крыльями, и вокруг меня все меняется. Я чувствую под собой пол замка, но вокруг возвышаются скалы у моря Нивоус. Это ночь последнего новолуния. Аилесса играет песню сирены на костяной флейте, пытаясь открыть Врата Загробного мира.

Скорбная мелодия звучит в ушах и отпечатывается в памяти. До этого я помнила лишь обрывки, но теперь знала ее от начала и до конца. Ноты пульсировали внутри меня и крепко оплетали душу. Сомневаюсь, что мне когда-то удастся забыть их.

Что происходит? Я пришла сюда, чтобы спасти Аилессу, а не увидеть воспоминание и выучить мелодию. Я собиралась помочь ей убить Казимира. Так почему серебряная сова не дает сделать это?

Птица снова взмахивает крыльями. И я вижу Аилессу в подземной пещере на хрупком мосту душ. Она с упрямой решимостью шагает к Вратам в Подземный мир. Я слышу, как кричу ей, чтобы она не шла туда, но Аилесса меня не слушает.

Я закрываю глаза, а открыв, вновь вижу перед собой Казимира за прозрачным телом совы. Мой костяной нож подрагивает у его шеи. Может, сова защищает не его. Может, она защищает от меня Аилессу.

Прикрываясь Казимиром, я могла бы уйти от его гвардей-

цев, найти Аилессу и освободить ее... Но вдруг не сестра должна возглавить переправу сегодня ночью. В прошлый раз она чуть не прошла во Врата Подземного мира. И ее спасло лишь то, что Одива ударила Бастьена ножом.

Возможно... Возможно, сестре безопаснее оставаться в Бо Пале. По крайней мере, сегодня.

Перед глазами все расплывается от подступающих слез. Увидев их, Казимир хмурит брови. Уверена, его удивляет такая реакция. Последнее время мои мысли занимало лишь спасение Аилессы. Так почему мне мешают на каждом шагу?

Я убираю костяной нож, и серебряная сова исчезает. Как бы мне ни хотелось выругаться на посланницу богини, я научилась доверять ей. Она предупредила меня об Одиве еще до того, как мне стали известны преступления матери. Она привела меня к Казимиру, благодаря которому я наконец смогла найти Аилессу. И, уверена, птица поможет мне снова в нужное время, когда свобода сестры не приведет к ее смерти. Сова знает больше, чем я.

Кинжал Казимира плотно прижат к моей шее. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, и, судя по его лицу, в нем борются гнев и жалость. Но я продолжаю пристально смотреть на него, не обращая внимания на текущие по лицу слезы, и ненавидеть. Осознание воли богини никак не повлияло на мое отношение к нему.

Один из его гвардейцев откашливается.

– Нам отвести ее в темницу, Ваше Высочество?

Кончик лезвия скользит к моему подбородку, слегка приподнимая его, пока Казимир раздумывает.

– Да, – сглотнув, говорит он.

Гвардейцы направляются к нам. А Казимир опускает кинжал ниже, ближе к шее. Чтобы перерезать кожаный шнурок моего ожерелья. Но я со скоростью козодоя и силой шакала обхватываю его запястье и ударяю рукояткой своего ножа по его предплечью. Кинжал выпадает из руки принца. И еще до того, как он ударяется о каменный пол, я врезаю коленом Казимиру в живот, отчего тот сгибается пополам. Я толкаю его на пол и вдавливаю локоть в спину. А затем поднимаю выроненный им кинжал. Первый гвардеец атакует меня, делая низкий выпад. Я отталкиваюсь от Казимира и перепрыгиваю через кинжал гвардейца. А затем несусь прочь, прежде чем второй гвардеец успеет напасть на меня.

Казимир громко кричит мое имя. Он уже успел подняться на ноги и гонится за мной. А гвардейцы следуют за ним. Я сворачиваю в длинный коридор, пробегая мимо укрытия Бастьена.

Он злобно смотрит на меня.

– Что, черт побери, ты творишь? – шипит он.

– Ухожу. Скажи Аилессе, что я знаю песню сирен. И смогу открыть Врата.

Я разворачиваюсь и бросаю украшенный драгоценными камнями кинжал в Казимира. Но я целилась не в него, поэтому кинжал пролетает мимо головы принца и ударяется о

каменную колонну. Это отвлекает Казимира, и я тут же швыряю костяной нож в дерево в горшке, за которым прячется Бастьен.

– Скажи Аилессе, чтобы она прикончила его, – добавляю я.

Прищурившись, он смотрит на едва заметную рукоять ножа. Ему придется вернуться за ним чуть позже. Но Бастьен решительно кивает мне, а затем разворачивается и уходит.

Я пробегаю мимо арочного прохода, ведущего во внутренний двор. Но мне не убежать через сухой колодец. Ведь так я подставляю Жюли и Марсея, а еще лишу Бастьена возможности воспользоваться им для выхода из замка.

Казимир зовет подкрепление. И от расположенных неподалеку лестницы и ответвляющегося коридора доносится топот сапог.

Крупный мужчина встает на пути и пытается схватить меня. Я едва уворачиваюсь от его рук и бегу дальше. К витражному окну в тридцати метрах от меня. Солнечный свет позднего вечера проникает сквозь цветные стекла и освещает величественное изображение Белина, бога солнца, скачущего по небу на белом жеребце.

Прибавляя скорость, я скидываю шапочку и фартук служанки. А затем ослабляю завязки на плечах, удерживающие верхнее платье из конопли. И когда я отбрасываю его в сторону, на мне остается лишь сорочка. Нужно избавиться от любого лишнего веса.

– Стой! – кричит Казимир мне вслед.

До витражного окна осталось всего пять метров. Я стискиваю зубы и отталкиваюсь от пола. Благодать, полученная от козодоя, усиливает прыжок. Так что мне остается лишь вскинуть руки, чтобы прикрыть лицо.

Тело ударяется о стекло. И окно разлетается на разноцветные осколки.

В восемнадцати метрах подо мной протекает река Мирвуа. И я несусь навстречу волнам с белыми шапками.

2. Аилесса

Молния сверкает за окном, пока я мчусь по коридору. Вернее, пытаюсь бежать. Длинное платье только мешает. Как и костыль. Но я стискиваю зубы и ковыляю так быстро, как только могу.

До богато украшенной двери осталось всего метров пять. Поэтому я, не обращая внимания на боль в раздробленном колене, продолжаю двигаться вперед. Мне не следует наступать на больную ногу еще месяц. И когда этот день настанет, я сожгу мерзкий костыль. Плен в катакомбах ничто по сравнению с тем, что я оказалась пленницей своего тела.

Я прохожу мимо еще одного окна на третьем этаже замка. Молния проносится по небу, как изогнутый палец, указывающий на древний мост за городской стеной. Кастельпонт. Я останавливаюсь. Я не видела этого моста с ночи обряда посвящения. Когда впервые встретила Бастьена.

Tu ne me manque pas. Je ne te manque pas.

Ты не потеряешь меня. Я не потеряю тебя.

Фраза, которую мне когда-то сказал Бастьен, стала моей мантрой с тех пор, как я оказалась в Бо Пале. Скоро я вновь буду с ним. И мне не понадобятся старые галльские слова, чтобы удержать воспоминания о нем или вызвать в мыслях его глаза цвета морской волны и темные взъерошенные волосы. Он жив. И должен оставаться живым.

Я приближаюсь к двери. Колено болезненно дергает от каждого шага, но зато наконец добралась до ручки. Но как только собираюсь повернуть ее, по всему замку эхом разнесится крик.

Чтобы понять, что происходит, я замираю и напрягаю слух. Но из-за грома невозможно разобрать слов. Поэтому подавляю вспыхнувшее беспокойство. Дела замка меня не касаются. Я открываю дверь и, шаркая, пробираюсь внутрь, а затем запираю замок.

В этой комнате рядом с покоем короля Дюранда располагается его личная библиотека. Я никогда раньше здесь не бывала и узнала о ней, немного поболтав со слугами. Я не сидела сложа руки, ожидая пока заживет колено. Выведала план замка, в том числе и про эту комнату, которой пользуются только король и принц Казимир. Если я правильно поняла, то на втором этаже есть еще одна библиотека большего размера.

Если не считать арочного окна, за которым вспыхивают в сумерках молнии, то все четыре стены от пола до потолка заставлены стеллажами. Большую часть полок занимают книги, но среди них есть и несколько ценных вещей: мраморный бюст короля Дюранда, карта Южной Галлы, коллекция экзотических перьев, золотая ваза, украшенные драгоценными камнями кубки, несколько бутылок вина и небольшой сундук... Я останавливаю свой взгляд на сундуке – а не там ли спрятаны мои кости благодати? Как только я получу их, то

тут же покину замок.

Сердце начинает биться быстрее. Я отставляю костыль в сторону – он сильно натер подмышку – и опираюсь на большой лакированный стол. А затем прыжками на одной ноге огибаю его, чтобы добраться до стеллажа с сундучком у дальней стены. Я уже обыскала каждый уголок и щель в своей комнате – спальне Казимира – и в комнате, которую он занимает с тех пор, как привез меня в Бо Пале. И мне показалось вполне логичным отправиться на поиски костей благодати сюда. По словам слуг, Казимир часто проводит здесь время.

Я дотягиваюсь до полки и снимаю сундучок. На его крышке в солнечном круге вырезано красивое дерево. Символы Гаэль, богини земли, и Белина, бога солнца. Они часто встречаются в Бо Пале, но нигде не найти золотого шакала Тируса и полумесяц Эллары.

Опускаясь на край стола, чтобы не напрягать ногу, я дрожащими руками пытаюсь отодвинуть жесткую защелку. *«Прошу, Элара, пусть мои кости благодати окажутся здесь»*. Я практически чувствую их прохладное прикосновение на груди, где им самое место. Кулон, вырезанный из грудины альпийского горного козла, кость из крыла сапсана¹ и зуб тигровой акулы.

Они не помогут мне исцелиться, как череп огненной саламандры Сабины, но сделают меня сильнее, быстрее и ловчее.

¹ Сапсан – хищная птица из семейства соколиных, распространенная на всех континентах, кроме Антарктиды. Размером с серую ворону.

А мне пригодятся все преимущества, чтобы добраться до сухопутного моста этим вечером. Ведь я стала *matrone* своей *famille*. Я единственная, кто знает мелодию, открывающую Врата Загробного мира. Никто не сможет переправить души умерших без меня.

Защелка наконец поддается. И в тот же момент дверь в библиотеку распахивается. Я вздрагиваю, и сундучок валится у меня из рук, рассыпая содержимое по столу.

Плечи невольно опускаются. Моих костей благодати нет.
– Что ты здесь делаешь? – ошеломленно спрашивает Казимир.

Я поднимаю глаза, и сердце начинает бешено колотиться – примитивная реакция, возникающая всякий раз при взгляде на моего красивого *amouré*, но сейчас она вызвана не моим подсознательным влечением к нему. Что-то не так. Он тяжело дышит, а по виску скатывается капля пота. Да и кинжал сжат в руке, словно наготове. Я приоткрываю губы.

– Я только...

Но он врывается в комнату и заглядывает за двери, а потом и под стол.

– Что происходит? – хмурясь, интересуюсь я.

– Ты видела кого-нибудь? – требовательно спрашивает Казимир.

– Кого?..

Он открывает рот, чтобы ответить, но тут в библиотеку врываются три гвардейца с обнаженными мечами. При виде

меня они замирают и растерянно смотрят на Казимира. Он успокаивается и качает головой.

– Здесь никого нет. Обыщите королевские покои, начиная с комнаты Аилессы. И сообщите мне, как только удостоверитесь, что там безопасно.

– А кто мне может угрожать? – спрашиваю я.

Казимир опускает взгляд на кинжал, и медленно проводит большим пальцем по лезвию.

– В Довре... – дождавшись, пока гвардейцы уйдут, начинает он, – все больше недовольных. Они считают, что мой отец виноват в недавно вспыхнувшей чуме. И некоторые из них пробрались в замок.

Я знаю о недовольных. Слуги говорят, что люди злятся, потому что ворота Бо Пале не открывались больше двух недель, и они не могут обратиться к королю Дюранду со своими проблемами.

– Почему они винят в болезни твоего отца?

– Короли всегда виноваты, если в стране происходит что-то ужасное. Таково бремя монарха. Если властью наделяют действительно боги, то занявший престол человек должен обладать достаточной властью, чтобы предотвратить большую трагедию. А раз так, то, значит, король и королева впали в немилость. И больше не могут править... По крайней мере, так говорят жители других королевств, которым удалось свергнуть своих монархов. В Северной Галле это, кажется, стало чем-то вроде развлечения.

С Казимиром что-то не так. Он говорит быстрее, чем обычно, и с показной беспечностью, совсем ему не свойственной, да и недовольные кажутся серьезной проблемой.

Он прячет кинжал в ножны.

– Тебе не о чем беспокоиться. Я контролирую ситуацию.

Он одаривает меня легкой, ободряющей улыбкой и протягивает мне костыль. Я забираю его, стараясь, чтобы наши пальцы не соприкасались.

Я не виню принца в том, что он привез меня сюда пятнадцать дней назад. Он решил, что Сабина опасна... что неудивительно, ведь она угрожала убить его. К тому же я согласилась остаться здесь по собственной воле. Но Казимир лжет о моих костях благодати. По его словам, он потерял их по дороге в Бо Пале. Но я ему не верю. Ведь стоит мне упомянуть о них, как он тут же отводит взгляд.

– Мне бы хотелось, чтобы ты больше отдыхала и дала возможность ноге зажить, – говорит он. – Если тебе потребовалась другая книга из библиотеки, ты могла бы попросить, и ее бы сразу принесли.

– Мне надоело сидеть в комнате.

– Знаю.

Казимир кладет ладонь на мою руку, и я тут же напрягаюсь. Мне не хочется, чтобы его близость будоражила мою кровь. И плевать, что он мой *amouré*, созданный специально для меня, а я для него.

– Я изо всех сил стараюсь угодить тебе, Аилесса, – гово-

рит он. – И сегодня вечером ты посмотришь на замок. Обещаю. – Ямочка на его щеке становится глубже от появившейся улыбки, и мне хочется проклинать Тируса и Элару за то, что сделали его таким очаровательным. – Это первый фестиваль Ла Льезон. И слуги уже украшают зал и... – Его взгляд опускается на опрокинутый сундук и его содержимое: нитку жемчуга, сложенное письмо, прядь светлых волос, перевязанную лавандовой лентой, и миниатюрный портрет женщины, поразительно похожей на принца.

Казимир хмурит брови, отчего они сходятся над переносицей.

– Зачем тебе понадобились вещи моей матери?

Жар опалает мои щеки.

– Мне... мне стало скучно и... – Я качаю головой. – Прости, я не знала, что лежит в сундуке.

Королева Элиана умерла во время великой чумы, когда Казимир был маленьким. Он был ее единственным ребенком и остался таким для короля Дюранда, поскольку тот больше не женился.

Казимир успокаивается и начинает медленно складывать упавшие вещи в сундучок. Желая ему помочь, я поднимаю нитку жемчуга.

– Я сам, – говорит он и тянется за ожерельем.

Но так и не решается прикоснуться к нему. А его пальцы замирают над моими. Наконец он выдыхает и накрывает жемчуг своей рукой.

– Ты должна надеть его сегодня вечером. – Он поднимает голову, и взгляд его серо-голубых глаз пронзает меня.

– Нет, я не приму его, – выпаливаю я. Чувствуя себя воровкой уже за то, что прикоснулась к жемчугу. – Оно слишком дорогое.

– Я и не говорил, что отдаю тебе его. Просто... одалживаю на время. – Он ухмыляется. – Видимо, я не так щедр, как ты думаешь.

Я рассмеялась. Просто не смогла удержаться. За последние дни я превратилась в комок натянутых нервов и даже не думала, что где-то в глубине такого серьезного Каза скрывается чувство юмора.

Он тоже рассмеялся, смущенно потирая затылок.

– Ты знаешь, что я впервые услышал, как ты смеешься? Твой смех звучит... – Он замолчал, подыскивая слово. – Здоровым.

– Здоровым? – фыркаю я. – Ты хочешь сказать, что я выгляжу больной, когда в плохом настроении?

– Сложно сказать. Ты всегда в плохом настроении.

– Что-о-о? – Я замечаю, что на его щеке вновь появляется ямочка.

– Тебе идет смех. Ты должна чаще позволять себе смеяться.

– Хм. – Я задираю подбородок и перекидываю волосы через плечо. – Ну, на самом деле я *довольно часто* смеюсь. – Порой хватает одного взгляда Сабины, чтобы я согнулась по-

полам от хохота. – Ты просто еще плохо меня знаешь.

– Согласен. – Его глаза начинают блестеть от озорства. – Но я работаю над этим.

Заметив, как потеплел его взгляд, я вырываюсь из-под его очарования и пытаюсь потушить жар, разгорающийся в животе. Жемчуг ощущается тяжким грузом в руке.

– Что тебе так понравилось во мне? – вырывается у меня, прежде чем я успеваю подумать.

Я слегка ерзаю, чувствуя себя глупо, но мне так интересно узнать ответ. Конечно, у Казимира не осталось выбора после того, как я сыграла песню сирены во время обряда посвящения, но чары соблазна быстро рассеиваются, а их эффект пропадает уже к утру.

Он слегка поднимает брови, и у него вырывается смешок, правда, более нервный.

– Прости, никак не ожидал это услышать. Просто ты... – Он чешет руку. – Ну, это не так-то просто выразить словами.

За окном вспыхивает молния, приводя меня в чувство.

– Можешь не отвечать.

Я соскальзываю со стола и опираюсь на костыль. У меня нет времени разгадывать тайну, что движет моим *amouré*. Нужно выбраться из замка до темноты.

– Я вернусь в свою комнату, – объявляю я.

А как только Казимир удостоверится, что я добралась туда, снова попытаюсь отыскать свои кости благодати и бежать отсюда.

– Аилесса, подожди. – Он встает у меня на пути. – Ты... ты очаровываешь, – запинаясь, начинает он.

Я закатываю глаза.

– Можешь не...

– Когда я впервые увидел тебя, мне показалось, что мы знакомы всю жизнь.

– Ты же видел меня издалека.

– Но мелодия, которую ты играла... твоё мастерство игры на флейте поразило меня.

– Ещё бы.

Я пытаюсь протиснуться мимо него. Все его воспоминания связаны с заклинанием призыва.

– Ты яростней любой девушки, которую я когда-либо встречал, – продолжает он.

Я замираю.

– Но ведь это Сабина угрожала тебе ножом.

Как только звучит её имя, ноздри Каза раздуваются, что неудивительно. Она притащила его к подземному мосту и велела мне закончить обряд посвящения. Вряд ли Казимир понимал, что это означало, но, скорее всего, догадался, что Сабина хотела, чтобы я убила его.

– Твоя сестра не сражалась с вашей матерью на узком мосту без оружия, как это делала ты, – возражает он.

– Но вполне могла.

Сабина изменилась той ночью. Девушка с черепом саламандры, сомневавшаяся в необходимости кровавых жертво-

приношений, исчезла. Теперь она носила три кости благодати, а в ее глазах появился огонь. И она пошла бы на все, чтобы защитить меня.

Казимир вздыхает:

– Почему мы говорим о Сабине?

– Не знаю.

Разозлившись, я ухитряюсь протиснуться мимо него.

Но он мгновенно хватает меня за руку, вынуждая обернуться. Нитка жемчуга, которую я сжала в кулаке, покачивается в воздухе. Я уже и забыла про нее.

– Ты напоминаешь мне маму, – говорит он.

Я смотрю на Казимира, не зная, что ответить.

– Ты напоминаешь мне маму, – сглотнув, тихо повторяет он.

Острая боль пронзает грудь. Он мог бы сказать: «*Ты напоминаешь мне свою маму*». Разница всего в одном слове.

Он прикусывает губу:

– Не странно ли признаваться в этом?

Я медленно качаю головой, хотя и не уверена наверняка. В детстве я ни разу не слышала ни от кого из *famille*, что похожу на свою мать, как бы усердно ни тренировалась и ни пыталась проявить себя. «*Ты лучше, чем matrone, по крайней мере в том, что действительно важно*», – однажды сказала мне Сабина, чтобы утешить меня. И это подстегнуло меня усерднее выбирать третью кость благодати.

– Ее волосы были чуть светлее, но такими же густыми

и слегка растрепанными, как у тебя. – Казимир смотрит на волнистую каштановую прядь, лежащую на моем плече. – Но ваше сходство не ограничивается внешностью. Ты такая же живая, как она. Сияющая. Как только она входила в комнату, люди тут же окружали ее. Они смеялись, когда она смеялась. Танцевали всю ночь, если она танцевала вместе с ними.

На мгновение я задумываюсь о том, насколько отличаются наши матери. Одиву тоже всегда окружали люди, но их подстегивал страх перед ней, а не очарование.

– Кажется, она была замечательной.

– Да. – Казимир поджигает губы.

Я опускаю глаза. Каз видел на подземном мосту истинное лицо моей матери. Перед глазами вспыхивает картина, как она вонзает нож в Бастьена, заставляя нахмуриться.

– Сомневаюсь, что такое сравнение уместно, Казимир. Я хожу с мрачным видом с тех пор, как ты привел меня сюда.

Потому что у меня разбито сердце.

– Учитывая, что ты пережила, вряд ли бы кто-то другой вел себя иначе. Но это не уменьшает твоего света.

Я вновь замираю, лишившись дара речи. Он говорит о внутреннем свете или Свете Элары? Нет, Каз не может о нем знать. Только Леуррессам известно, что богиня Ночных Небес одаривает нас своей энергией. Все смертные питаются этой жизненной силой, но для Леурресс она важна так же, как еда и вода. И сомневаюсь, что ему об этом известно.

– Я пойду, Каз, – говорю я. – Хочу отдохнуть перед сего-

дняшним вечером.

На его лице расцветает улыбка.

– Ты наконец-то назвала меня Казом.

– Просто вырвалось, – выругавшись про себя, заявляю я.

– Но я все равно порадуюсь. Ты не представляешь, как мне это нравится.

Сердце в груди начинает биться быстрее, и это очень меня злит, ведь только подтверждает, что боги не просто так выбрали принца для меня.

Я опираюсь на костыль и подхожу к нему, а затем опускаю жемчуг в его руку. На его лице тут же вспыхивает обиженное выражение. Но мне плевать. Я не собираюсь страдать от чувства вины из-за парня, который прячет мои кости благодати.

– Я не похожа на твою мать. И никогда не стану такой, как она.

Мне предназначено быть Перевозчицей мертвых, *matrone* моей *famille*...

«Я должна убить тебя, Каз. Точно так же, как моя мать пыталась убить Бастьена».

Я отворачиваюсь и ковыляю к открытой двери. Но выйти не могу, так как проем загораживает один из гвардейцев.

– Ваше Высочество. – Полный мужчина кланяется Казимиру. – Мадемуазель Аилесса может вернуться в свои покои. Мы не обнаружили никаких признаков нарушителей.

– Спасибо. – Голос Казимира звучит глухо, без привычной теплоты и переливов. – Скажите гвардейцам, что они могут

вернуться на свои посты.

Как только мужчина уходит, я поворачиваюсь к Казу. Меня так и тянет вновь посмотреть на него. Его глаза больше не горят, но в них все еще теплится доброжелательность. Ну почему в нем нет и капли жестокости? Это помогло бы мне понять, почему он меня обманывает. И стало бы намного легче его ненавидеть. Или *убить*.

– Увидимся на празднике, – говорю я, подталкиваемая какой-то необъяснимой потребностью подбодрить его.

Хмурые складки на его лице разглаживаются, брови слегка приподнимаются, а на губах появляется легкая улыбка.

– Слуги принесут тебе платье для фестиваля, – говорит он. – Надеюсь, это никак не оскорбит тебя. Я заказал его недавно, и его никто не носил до тебя. – Он опускает взгляд на нитку жемчуга в своей руке, а затем прячет ее в сундучок и осторожно закрывает крышку. – Я имею в виду, что это платье не связано ни с какими ожиданиями.

Вот только вряд ли это так, даже если ему этого хочется. Там, где существует привязанность, есть и ожидания.

– Если это так, то я с радостью надену его, – отвечаю я, стараясь соблюдать тонкую грань вежливости, но при этом не давать ложных надежд.

А еще защитить *свое* сердце, сохранив его для Бастьена.

Мои слова вызывают у Каза искреннюю улыбку, и я тут же отвожу взгляд, чтобы не начать любоваться ямочками на его щеках. А затем выскакиваю из комнаты на своем костыле.

«Это всего лишь платье, Аилесса. Никаких ложных надежд. Никаких ожиданий».

3. Бастьен

Я не могу перестать пялиться на одну из служанок в большом зале. Это ее волосы. С рыжиной. Далеко не идеальный оттенок каштановых волос Аилессы. Вдобавок такие же длинные и волнистые, как у нее. А когда девушка время от времени переходит в места, куда не дотягивается свет от массивной люстры, то ее волосы кажутся немного темнее. Прямо как сейчас. И если не вглядываться, то можно решить, что я смотрю на...

– Всем остановиться!

Я резко втягиваю воздух. Мимо моего укрытия проходит мужчина, вынуждая меня отодвинуться от края гобелена в закуток между тканью и стеной. Если бы мужчина не нес в руках ящик, закрывавший его лицо, то он бы точно заметил мою высунувшуюся голову.

Я прижимаюсь спиной к прохладным камням. А затем разминаю сжатые в кулаки пальцы. Торчу здесь уже довольно долго, выжидая подходящего момента, чтобы прокрасться к дереву в горшке, куда Сабина кинула костяной нож. Но большой зал наполнен слугами, готовящимися к первому фестивалю Ла Льезон.

– У нас чрезвычайная ситуация! – заявляет мужчина.

Бам. Он с грохотом ставит ящик на стол.

– Вы только посмотрите. Это свечи из жира, а не пче-

линого воска. — Он замолкает на мгновение, ожидая возмущенных вздохов. Но вокруг царит тишина. — Видимо, свечник не получил наш заказ, а все магазины Довра закрыты на праздник. — Он вновь замолкает, постукивая ногой по полу. — Неужели мы позволим, чтобы дымящиеся свечи испортили первый фестиваль, на котором будет присутствовать Его Королевское Величество, и оскорбим особого гостя принца?

«Особого гостя»? Я едва сдерживаю усмешку. Это так Казимир называет свою любимую пленницу? Представляю, как Аилесса сидит рядом с ним сегодня вечером и вокруг ее лодыжки обвивается цепь, приковавшая ее к стулу. А затем в памяти вспыхивает другой образ: Аилесса в катакомбах со связанными веревкой руками и ногами. Связанными мной. Внутри все переворачивается. Да, я тоже похитил ее, но при этом считал, что она бессердечная убийца. И никогда не притворялся, будто спасаю ее, как это сделал принц.

— Ответ «нет», — продолжает мужчина. Видимо, он дворецкий. — И вот как мы спасемся из этой ситуации. Вы обыщите замок и осмотрите все канделябры, фонари и подсвечники, выискивая любые свечи из пчелиного воска. Забирайте их, даже если они уже зажжены. Самые высокие из них мы установим на главном столе, а остальные используем для других мест. — Он дважды хлопает в ладоши. — Что стоите? Поторопитесь!

Слышится топот ног. И шепотки десятка собравшихся слуг стихают, когда они разбегаются в разные стороны. А за-

тем, судя по решительным шагам, дворецкий следует за ними.

Теперь у меня появился шанс.

Я выскальзываю из-за гобелена и осматриваю зал, чтобы убедиться, что все разошлись, и бросаюсь к дереву в горшке, стоящему у другой стены. К счастью, поблизости нет гвардейцев. Казимир приказал им обыскать замок на случай, если Сабина пришла не одна.

Сабина. Я невольно стискиваю зубы. Почему она сбежала так внезапно? Она же с легкостью могла отбиться от принца и его людей. Могла бы просто отвлечь их, а я бы за это время освободил Аилессу. Но теперь мне придется все делать самому – после того, как Аилесса убьет Казимира.

Я достаю костяной нож из дерева в горшке и, развернувшись, шагаю обратно. В коридор, который ведет к лестнице на третий этаж. Сабина должна была проверить королевские покои, а я планировал обыскать темницу, но судя по сказанному Казимиром – что он хочет, чтобы слуги добавили полевых цветов для Аилессы, – предполагаю, он держит ее в одной из лучших комнат Бо Пале. Но вряд ли стоит считать принца заботливым, скорее, он манипулирует Аилессой.

Впереди появляется лестница – с массивными ступенями из известняка, с мраморными столбиками и железными перилами. Ее покрывает бархатная дорожка цвета лесной зелени. Наверное, на деньги, которые отдали за нее, можно было бы целый месяц кормить всех беспризорников Довра.

Я быстро поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Колотая рана пульсирует в боку, но я не замедляюсь. Скоро должны вернуться гвардейцы и...

Парень-слуга с взъерошенными волосами появляется из-за угла следующего пролета. С виду он младше меня года на три, ему четырнадцать или пятнадцать, а его руки заняты пятью восковыми свечами. Парнишка внимательно смотрит себе под ноги, лениво напевая что-то себе под нос.

А я замираю на восьми ступенях ниже, сжимая в кулаке костяной нож. Дергаю рукой, чтобы скрыть это. Но уже слишком поздно. Парнишка поднимает глаза. Они карего цвета с легкой рыжинкой, всего на оттенок темнее, чем у Аилессы. Я вижу ее в каждом встречном. Но ее лицо не побледнело бы при виде вооруженного незнакомца. Она бы на месте парнишки разозлилась. А затем встала бы в защитную стойку и приготовилась дать отпор.

– Я не сделаю тебе больно, – говорю я. – Просто не...

– Помогите! – кричит он во всю силу своих легких.

– ...кричи.

Мои плечи опускаются. Громкие голоса и топот сапогов доносятся сверху из коридора вниз.

Merde.

Я перескакиваю последние ступени до парнишки. А он швыряет в меня две свечи.

– Ай! – вскрикиваю я, когда третья отскакивает от моего лба. – Перестань!

Я отбиваю четвертую, которая летела мне прямо в глаз. А затем преодолеваю последние три ступеньки и пытаюсь схватить его. Парнишка пытается отбиться от меня последней свечой, но я вырываю ее из его рук и выбрасываю с лестницы.

– Помогите! – снова кричит он.

– Да замолчи ты. – Я прижимаю его к стене и подношу костяной нож к его горлу. – Я же сказал, что не сделаю тебе больно.

Придется взять его в заложники. На какое-то время. Только так я смогу скрыться от гвардейцев.

Парнишку сильно трясет. Он худой и хрупкий на вид. И даже не пытался дать мне отпор, потому что просто не знает, как это сделать.

Стук гвардейских сапог звучит громче. А затем раздаются крики, призывающие доложить принцу Казимиру о произошедшем. Парнишка тихо хнычет, отчего у него начинают течь слюни.

«*Пожалуйста*», – одними губами произносит он.

Мышцы на его шее напрягаются, когда он пытается отодвинуться от ножа.

Я покрываюсь потом. Перехватываю рукоятку покрепче. Ладони стали липкими. Нет, я не могу поступить так снова – взять другого человека в плен ради собственной выгоды.

Поэтому опускаю нож. А затем отступаю назад и киваю в сторону.

– Иди.

Мой голос звучит хрипло и грубо. Как теперь освободить Аилессу?

Мальчишка срывается с места и, протиснувшись мимо меня, уносится вниз по лестнице. Навстречу ему выскакивают два гвардейца и, пропустив парнишку, бросаются ко мне. Еще трое спускаются с верхнего пролета.

– Арестуйте вора!

Я поднимаю голову. С третьего этажа замка, перегнувшись через перила, на меня смотрит принц Казимир. Его плечи расправлены, и даже отсюда чувствуется уверенность.

Выхватываю второй нож и просчитываю свои шансы на побег. Они не очень большие, учитывая травмированную спину. Скорее, даже нулевые.

Я быстро прячу костяной нож в ножны, а затем сжимаю второй нож в зубах. И как только первый гвардеец, поднявшийся снизу, протягивает руку, чтобы схватить меня, перепрыгиваю через перила и цепляюсь за них с другой стороны. Носками ботинок я упираюсь в край едва выступающих за перила ступеней, а затем начинаю спускаться вниз так быстро, как только могу.

Но гвардейцы уже бросились за мной.

Увидев, что до пола осталось метра два, я прыгаю. Колодую рану тут же простреливает боль. Но я вытаскиваю нож изо рта и заставляю себя двигаться вперед.

Несусь по коридору в сторону большого зала и к фойе, из которого можно выбраться во внутренний двор и дальше к

колодцу замка.

«Прости, Аилесса. – Грудь пронзает острая боль. – Я вернусь за тобой, обещаю».

Надеюсь, в следующий раз ее лучшая подруга не бросит меня, выпрыгнув в витражное окно.

И лучше бы Сабине пережить это падение. До реки очень далеко, в чем я убедился сам, подкравшись к разбитому окну после того, как Казимир с гвардейцами ушли.

Гвардейцы уже догоняют. Я ускоряюсь и уже добрался до первой колонны большого зала. Она обвита гирляндами из полевых цветов, как приказал Казимир, чтобы порадовать Аилессу.

Его слова, сказанные Сабине, звучат у меня в голове: «Аилесса не пленница. Я пригласил ее погостить в замке, и она согласилась». Из горла вырывается смешок, от которого остается горечь во рту. Какой искусный лжец станет королем Южной Галлы.

Я пробегаю мимо второй колонны. И тут из-за нее выскакивает крупный гвардеец, сбивая меня с ног. Я падаю, рука ударяется о каменный пол. Нож вылетает из руки и отлетает на несколько метров в сторону.

Воздух с трудом проникает в легкие. Спина горит. А гвардейцы, которые бежали позади, почти догнали меня. Сбивший меня с ног мужчина подходит ближе.

Похоже, мне не сбежать.

Я пинаю пяткой по голени ближайшего гвардейца и от-

ползаю ко второй колонне. Затем вытаскиваю костяной нож из ножен. Еще один гвардеец хватается меня за левую руку. Но я успеваю засунуть костяной нож под гирлянду у основания колонны. Нельзя, чтобы они забрали его. Он нужен Аилессе, чтобы убить Казимира. Чтобы продолжить жить.

Третий гвардеец дергает меня за воротник. И его толстый кулак летит мне в лицо.

Боль пронзает череп. И мир погружается во тьму.

4. Аилесса

– Жаль, что вам приходится использовать костыль, – передавая мне его и помогая встать, говорит горничная. – И вы не сможете потанцевать сегодня вечером.

Она подводит меня к зеркалу, висящему на одной из стен спальни. И я, сузив глаза, рассматриваю свое отражение. Даже в луже стоячей воды можно разглядеть больше, чем в этом листе полированного серебра, но мне удастся различить результат усилий моей горничной: белый порошок на лице, чтобы скрыть многочисленные веснушки, что-то под названием румяна на щеках и восковой бальзам для губ, пахнувший вином, от которого они стали оттенка диких ягод. Единственное, на что я не согласилась, – выщипывание бровей. Когда горничная дернула первый волосок из моих и без того тонких бровей, рефлексы взяли надо мной верх. Я выхватила пинцет у нее из рук и вышвырнула в окно под проливной дождь.

Я наклоняюсь ближе к зеркалу. Мне не нравится, как я выгляжу с побледневшей кожей и подчеркнутыми губами – слишком сильное сходство с суровой красотой матери, – но мне нравится, как горничная уложила волосы. Верхние пряди она собрала в пучок и скрепила зелеными лентами цвета мха, подходящими к моему платью, а нижние закрутила нагретыми щипцами в крупные локоны. У Сабины так волосы

вываются от природы.

Сабина...

Меня пронзает острая боль в груди. Нужно найти способ уйти с праздника пораньше. Сабина и *famille*, наверное, в отчаянии из-за того, что не знают, как переправить души сегодня ночью.

– Мне бы все равно не захотелось танцевать, – отвечаю я горничной и поворачиваюсь спиной к зеркалу.

Танцы символизируют смерть – обряды перехода и кровавые жертвоприношения на мостах под полной луной...

...но танец также напоминал о руках Бастьена на моей талии и бедрах, и как я обводила пальцами его лицо, и насколько мягкими казались его губы. Ни за что не стану портить это воспоминание танцем с другим парнем, даже если он мой *amouré*.

Горничная цокает языком:

– Вы такая странная, мадемуазель.

Я пожимаю плечами:

– Мне это уже говорили.

В дверь спальни трижды стучат. И горничная едва не подпрыгивает.

– Это, наверное, принц!

Она еще раз поправляет мое платье из парчи и бархата. Ткань плотно обхватывает мои плечи, как платье для обряда посвящения. Не удивлюсь, если Каз специально заказал такой фасон. Он видел меня издалека на Кастельпонте в ночь,

когда я играла на костяной флейте... В ночь, когда я решила, что Бастьен мой *amouré*.

Удовлетворившись мои внешним видом, горничная подходит к двери и приоткрывает ее сантиметров на десять.

– Ваше Высочество. – Она низко приседает в реверансе. – Мадемуазель Аилесса готова сопровождать вас на фестиваль.

Дверь открывается шире, и в проеме возникает Казимир. При виде его я невольно расправляю плечи и выпрямляюсь. «*A nu прекрати*», – приказываю я своему сердцу. И в очередной раз проклиная богов за то, что они выбрали для меня настолько красивого *amouré*.

Каз надел винно-красный камзол, который идеально подходит к моему зеленому платью, его светлые волосы зачесаны назад и скреплены тонким золотым ободком короны. Его взгляд прикован ко мне и медленно скользит по платью, лицу и волосам. Он подходит ко мне, но его движения настолько неуверенные, словно Казимир шагает по мосту, который может рухнуть в любой момент. Когда между нами остается меньше шага, он берет мою руку и целует тыльную сторону ладони. Щеки опалает жар, и тут же приходит мысль, что горничная могла не тратить время на румяна.

– Ты прекрасна, – затаив дыхание, говорит Каз.

Мне настолько приятно, что даже пальцы на ногах поджигаются. А сердце вновь начинает биться быстрее.

– Уже не терпится? – спрашиваю я, а увидев, как он хму-

рит брови, добавляю: – Попасть на фестиваль.

Поскорей бы покончить с этим праздником и вновь отправиться на поиски моих костей благодати.

– Да, конечно. – Он расплывается в улыбке. – Не терпится. Идем?

Он протягивает руку. Вот только как принять ее, не выронив костыль? К тому же мне не хочется виснуть на нем весь вечер. Поэтому я упрямо ковыляю вперед.

Мы выходим из комнаты, минуем коридор и, наконец, оказываемся у начала лестницы, которая ведет на нижний этаж. Дождь барабанит по стеклам, а я смотрю на обшитые бархатом ступени вниз. Кажется, они тянутся на километр, не меньше. Будь проклята моя сломанная нога.

Каз склоняет голову набок и смотрит на меня.

– Позволишь мне спустить тебя на руках?

Я широко распахиваю глаза:

– Нет, конечно!

– Тебе следует побереечь свои силы для праздника.

– А сколько их потребуется, чтобы сидеть на стуле и ужинать?

– Мне бы не хотелось, чтобы ты чувствовала себя уставшей, когда встретишься с моим отцом.

– Я в порядке. – Я ставлю костыль на первую ступеньку и спрыгиваю на нее.

– И вполне способна...

Я подаюсь вперед. *Merde*. Костыль цепляется за юбку пла-

тъя.

Но едва я смирилась с мыслью, что упаду и сломаю себе что-нибудь еще, как Каз подхватывает меня на руки. У меня перехватывает дыхание, а наши взгляды встречаются. И я все еще пытаюсь прийти в себя оттого, что едва не упала.

– Осторожней, – ухмыляется Казимир. – Эта лестница печально известна тем, что на ней часто выворачивают лодыжки.

Он подзывает слугу, передает ему костыль, а затем начинает спускаться вниз.

Я невольно напрягаюсь и стискиваю челюсти, а все потому, что не могу перестать думать о подвеске в форме полумесяца. Окажись у меня на шее кость благодати горного козла, я бы не была такой неуклюжей. А обладала бы ловкостью, чувством равновесия и даже изяществом.

Я найду, куда Каз спрятал мои кости благодати. Может, они в большом зале, в самой гуще праздника? Например, под троном – там, где, по мнению Казимира, я не осмелюсь их искать.

– Мы с отцом уже не раз говорили о тебе, – рассказывает он. – И я бы уже давно вас познакомил, но он не хочет, чтобы ваша первая встреча прошла у его постели. Слава богам, сегодня отец чувствует себя лучше.

Его слова пролетают мимо ушей. А все потому, что я прислушиваюсь к биению его сердца рядом с моим плечом. Наверное, настоящая причина, по которой я еще не сбежала из

замка, заключается в следующем: мне хорошо известно, что необходимо для этого сделать. Убить Казимира. Остановить стук его сердца.

– Ты знала, что из всех праздников больше всего мама любила Ла Лъезон? – говорит Каз, уверенно шагая по ступеням.

Может, не обязательно использовать ритуальный нож? И подойдет любой клинок? На поясе Казимира висит украшенный драгоценными камнями кинжал. Неужели я не смогу незаметно вытащить его и завершить обряд?

– Боюсь, сегодня вечером в замке соберется не так много гостей, но когда мама была жива, она открывала ворота для всех, кто хотел побывать на первом фестивале. И предлагала им булочки вместе с засахаренным миндалем.

Его слова подталкивают меня к новым размышлениям. И я вдруг представляю, как прекрасные серо-голубые глаза королевы Элианы, доставшиеся в наследство ее сыну, расширяются от ужаса при виде истекающего кровью Казимира, будь она сейчас жива. А затем к ее образу добавляется король Дюранд. Хватил бы его удар, узнай он о смерти своего сына? Неужели я невольно стану и его убийцей?

– Танцы продолжались всю ночь. И отец всегда танцевал первый и последний танец с мамой. Когда они выходили в центр зала, все зачарованно смотрели на них.

А вдруг я не смогу убить Казимира? Согласившись остаться здесь, я пообещала себе, что сохраню ему жизнь. Но если я не закончу ритуала, то предам Бастьена. Что он воспримет

не лучше, чем убийство своего отца.

— Конечно, к тому моменту мне уже следовало спать в своей кровати, но я выскальзывал из комнаты и прятался под банкетным столом. — Каз смеется. — Я объедался глазированными булочками и шпионил за гостями. А еще улыбался, видя, как улыбается мама. Она никогда не выглядела более счастливой, чем в ночь первого фестиваля.

Мы уже добрались до последнего пролета. А я давно ослабилась в его объятиях, зачарованно слушая рассказ о любящей семье, мирно живущей вместе. Сабина вполне бы могла жить так, но не Одива, и мне, наверное, это бы не удалось. Кажется, я больше похожа на свою гордую мать, чем на чуткую сестру.

Каз замедляется на последних ступенях.

— Мне бы хотелось, чтобы ты посмотрела на фестиваль, каким он был тогда. Сегодняшний пир не покажет и сотой доли того веселья.

— Уверена, все пройдет чудесно. — Слова слетают с моих губ до того, как удастся их остановить.

Но Казимир радуется этой похвале, вновь демонстрируя ямочку на правой щеке. И мое сердце вновь пускается вскачь.

— Отец сегодня участвует в праздновании... а скоро там будешь и ты. И это все, что действительно имеет значение.

Веселая музыка разносится по главному коридору из большого зала. И я поворачиваю голову в ту сторону, нена-

долго отбросив мысли о костях благодати и роковой связи наших душ.

– Танцы уже начались? – с любопытством рассматривая гостей, спрашиваю я.

Мне доводилось танцевать только *danse de l'amant*². Но похож ли он на другие танцы?

– Боюсь, что да. – Каз спускается с последней ступени. – Как и сам праздник. Надеюсь, ты простишь меня за то, что я привел тебя так поздно. Застолье всегда казалось мне самой скучной частью фестиваля, и мне не хотелось утомлять тебя. Мы пропустили лишь приветствия гостей, во время которых все дворяне подходят поздороваться с королем. Зато нам не придется слоняться по залу в ожидании, когда он сможет с нами поговорить.

Каз аккуратно опускает меня на ноги. И слуга, который нес мой костыль, тут же протягивает его. Я неохотно забираю его и, балансируя на одной ноге, смотрю на длинный коридор.

– Что случилось? – спрашивает Казимир.

Я поворачиваюсь к нему и обвожу взглядом с ног до головы. Несмотря на то что Каз спустил меня на руках по лестнице с третьего этажа, у него даже дыхание не сбилось. Во всяком случае, он выглядит бодрым. На его щеках сияет здоровый румянец, плечи расправлены, а спина прямая. Я прикусываю губу.

² Танец любви (*фр.*).

– Я не стану возражать, если ты понесешь меня и дальше, – тихо говорю я. – Но только до большого зала.

Он слегка приподнимает брови, а на его губах появляется легкая улыбка. Подойдя ко мне, Казимир кладет руку мне на поясницу. От этого прикосновения вспыхивает кожа, и я судорожно втягиваю воздух.

– Жаль, что нам не удастся станцевать вместе первый и последний танец, – кивнув на мой костыль, говорит он. – Но мы можем считать это нашим танцем.

И, не дожидаясь моего ответа, он вновь подхватывает меня на руки. Я передаю свой костыль слуге.

– А что делать мне? – спрашиваю я с дразнящей улыбкой, стараясь поддержать возникшую между нами легкость в общении. – Разве для танца не требуются усилия двух партнеров?

Каз не сводит глаз с моих губ, словно хочет поцеловать меня, но я этого точно не допущу. Я и на этот «танец» согласилась лишь потому, что его и танцем-то не назвать.

– Верно. – Он уверенно шагает по коридору.

– Ну, мои руки свободны. – Со смешком говорю я. – Может, мне помахать ими в воздухе?

Я плавно покачиваю руками из стороны в сторону в такт музыке.

Казимир смеется:

– Да, просто идеально.

– Что еще мне сделать?

В этот раз ямочки появляются на обеих щеках.

– Хлопай в ладоши, чтобы я не сбился с ритма.

– Отлично. Не отставай от *этого* ритма.

Я принимаюсь хлопать в ладоши, то ускоряясь, то замедляясь, стараясь усложнить ему задачу. А Казимир с широкой улыбкой поспекает за мной. Он то бежит вперед, то останавливается, то подпрыгивает на месте. И хотя меня сильно трясет, я не могу перестать смеяться. Бедный слуга с моим костылем плетется за нами, стараясь не отстать и не вырваться вперед.

Мы «танцуем», пока у Каза не заканчиваются силы. Продолжая смеяться, он останавливается в десяти метрах от первой украшенной цветочной гирляндой колонны большого зала, из которого льется свет множества мерцающих свечей.

– Нам нужно успокоиться, – хихикая, шепчу я.

А затем жестом подзываю слугу с костылем. Забрав его, я благодарю слугу, и тот быстро скрывается из виду.

– Кажется, я стала его любимицей, – говорю я.

На лице Каза сияет улыбка, но смех уже стих. И он все еще держит меня на руках. Его взгляд вновь скользит к моим губам. А затем он склоняет голову ниже.

Мой пульс учащается. А нервы натягиваются. На краткий миг внутри просыпается желание узнать, почему боги выбрали его для меня. Почувствовать это в поцелуе. Но стоит прикрыть глаза, как я оказываюсь в совершенно другом месте – не в коридоре, а в туннеле. В объятиях парня с глазами цве-

та морской волны и темными взъерошенными волосами... парня, который открыл мне свое сердце, хотя должен был ненавидеть меня.

«Аилесса, тебе никогда бы не понадобилось играть для меня песню».

Я поворачиваю голову, не давая Казимиру коснуться губами моих губ. Его дыхание овеивает мою щеку, когда он тихо вздыхает и отстраняется.

– Прости, – говорю я, понимая, как сильно он расстроился. – Ты милый и добрый, но...

В коридор из большого зала выходит мужчина. Это Бриан, один из молодых капитанов Казимира. Я увидела его в первый раз на подземном мосту месяц назад. У него такое встревоженное лицо, что Каз поспешно опускает меня на пол. И я тут же опираюсь на свой костыль.

– В замок вновь проникли незваные гости?

Казимир проходит немного вперед, чтобы поговорить со своим капитаном наедине, но в гулком коридоре каждое его слово подхватывается эхом.

Бриан качает головой:

– Дело не в этом, Ваше Высочество. Как друг, я решил вас предупредить до того, как вы зайдете в зал.

– Предупредить о чем?

Вздохнув, Бриан проводит рукой по своим коротким волосам:

– Ваш отец... он не смог присутствовать на празднике.

– Ему стало хуже? – Каз невольно напрягается.

– Нет. Я разговаривал с его лакеем. Судя по всему, приняв ванну и одевшись к сегодняшнему вечеру, он почувствовал слабость и едва мог стоять на ногах. Врач настоял, чтобы он отдохнул еще несколько дней.

– Хорошо, – выдавил Каз спустя несколько секунд.

От вида его поникших плеч и опущенной головы у меня сжимается сердце. Больше всего на свете он хотел порадовать своего отца сегодня вечером. И я понимаю его разочарование. Мне всегда хотелось угодить матери – и почти никогда не удавалось это сделать. Но думаю, Каз расстроился намного сильнее. Ведь он искренне верил, что его отец идет на поправку.

– Но зато с уверенностью могу сказать, что злоумышленников больше нет, – говорит Бриан, пытаясь хоть немного утешить друга. – Мы не обнаружили никого, кроме вора.

Сердце сбивается с ритма.

– Вора? – Опираясь на костыль, я подхожу ближе. – Какого вора?

Каз напрягается. И не оборачивается, чтобы посмотреть на меня.

– Не переживайте из-за него, – нервно покосившись на своего принца, отвечает Бриан. – Мы позаботились о нем.

– *Что за вор?*

Не дождавшись ответа от Казимира, я пристально смотрю на Бриана.

Капитан сглатывает и переводит взгляд на Каза, молча спрашивая разрешения. И тот, вздохнув, кивает.

– Бастьен Кольберт. Но вы можете не волноваться, мадемуазель. Его скоро повесят. Принц приказал запереть его в темнице, – отвечает Бриан, и от его слов у меня едва не подкашиваются колени.

5. Сабина

На дрожащих ногах я веду тридцать три Перевозчицы моей *famille* из нашего дома в Шато Кре к скалам, выступающим над морем Нивоус. Если не считать пяти слишком юных сестер и шести слишком старых Леурресс, которые не смогли бы сражаться с покойниками, со мной пошли все... чтобы увидеть, справлюсь ли я или потерплю неудачу.

Ритуальное платье для переправы, в которое я успела переодеться, промокло от дождя, а руки все еще ноют от изнурительного заплыва по реке, бурлящей под стенами Бо Пале. И чем ближе мы с Перевозчицами подходим к сухопутному мосту, тем сильнее меня терзают сомнения. Удастся ли мне открыть Врата?

Я начинаю тихонько насвистывать мелодию, которую серебряная сова запечатлела в моем сознании.

– Тише, Сабина, – шепчет Роксана, шагающая у меня за спиной. – Эту мелодию можно исполнять только на костяной флейте.

Я киваю, чувствуя, как загорелись щеки. Леуррессам запрещено исполнять ритуальные песни. Одива твердила нам, что голоса оскверняют священную музыку. Но я частенько напеваю или насвистываю мелодию, когда нервничаю.

Добравшись до скал, мы спускаемся по высеченной из известняка лестнице, ведущей в прибрежную пещеру, проход

к которой скрыт между двумя валунами. А затем выходим на залитый дождем песчаный пляж. Пульс ускоряется. Уже полночь. Самое подходящее время. Сейчас самый низкий отлив и скалы сухопутного моста показались из воды. Они образуют двенадцатиметровый мост, который тянется примерно до середины залива. Пора начинать переправу.

Я пропускаю Леурресс вперед и смотрю, как они занимают свои места на равном расстоянии друг от друга на сухопутном мосту. Юбки их белых платьев хлопают по ногам под проливным дождем, но все они уверенно сжимают свои посохи. И ждут, когда я присоединюсь к ним. А я все еще стою на пляже, утопая во влажном песке.

– Ну же, Сабина.

Айла дрожит, а ее рыжие волосы прилипли к лицу. Уверена, она специально встала в самом начале моста, чтобы подначивать меня. Айла самая молодая из Перевозчиц, не считая меня. Если меня вообще можно назвать Перевозчицей. Может, на моем ожерелье и висят три кости благодати, но я никогда не проходила обряда посвящения.

В начале вечера Леуррессы долго обсуждали: разрешить ли мне участвовать в обряде. За это проголосовало чуть больше половины женщин из *famille*, да и то только потому, что у меня осталась единственная сохранившаяся костяная флейта... и я теперь знала песню Загробного мира. И мне пришлось доказывать это, промывчав каждую нотку. Кстати, в тот момент Роксана даже не подумала меня упрекнуть за

подобное осквернение мелодии. Да и другие старшие Леуррессы тоже.

– Чего ты ждешь? – допытывается Айла.

Я осматриваю высокие скалы, выступающие над берегом. Аилессы нигде не видно. А значит, Бастьену не удалось освободить ее без моей помощи.

Мне следовало бы порадоваться – серебряная сова предупредила меня, что не стоит сестре сегодня появляться на переправе, – но внутри все сжимается. Аилесса бы с радостью воспользовалась возможностью возглавить переправу, мне же сейчас хочется зарыться с головой в песок.

«Возьми себя в руки, Сабина. Сделай это ради своей сестры».

Я крепче сжимаю посох, поворачиваюсь лицом к заливу и делаю первый неуверенный шаг по сухопутному мосту.

Выгнув бровь, Айла провожает меня взглядом, пока я добираюсь до Мориль, следующей Перевозчицы. Леурресса средних лет кладет загоревшую руку на мою и сжимает ее. Я выдавливаю в ответ улыбку. Она одна из немногих, кто поддержал меня с самого начала. Я шагаю дальше по каменистой тропинке шириной чуть меньше четырех метров и подхожу к двум старшим Леуррессам – Роксане и Милисенте. Они отступают назад, давая возможность пройти к более узкому участку моста. Это очень великодушно с их стороны, даже несмотря на настороженность на их лицах. Они не задумываясь выполнили бы любой приказ Одивы, но не шестнадцати-

летней девчонки... девчонки, которая, по их мнению, даже не является кровной наследницей *matrone*. В их глазах я простая Леурресса, которую Одива назвала наследницей после пропажи Аилессы. Я не стала раскрывать правду, ведь тогда пришлось бы объяснять, что Одива не только мать Аилессы, но и моя, и что моим отцом стал мужчина, даже не являющийся ее *amouré*. Моя *famille* и без этого относилась ко мне с пренебрежением.

Дождь хлещет в лицо, но я продолжаю идти по мосту мимо оставшихся Перевозчиц: Изабо, Вивьен, Элайн, Жизель, Шанталь, Элоди, Жаклин, Майи, Розалинды, Дафны, Флер, Валери, Аделаиды, Орианны, Рошель, Серафины, Алетт, Джессамин, Надин, Дамианы, Жозель, Клеманс, Лоран, Сесиль, Дезире, Зоэлии, Бернадетт, Дольссы и Пернель.

Все они старше, опытнее и яростней меня. Да я вообще не хотела становиться Перевозчицей. Несмотря на ловкость, полученную от кости благодати саламандры, я поскальзываюсь на мокрых камнях. Но удерживаю равновесие и занимаю свое место в конце моста – место *matrone*. А затем, тяжело вздохнув, разворачиваю кусок овечьей шерсти, в которую положила костяную флейту.

Пернель, стоявшая ближе всех на сухопутном мосту, подходит ко мне. Она убирает с лица мокрые светло-медовые волосы и накрывает мою голову шерстяным покрывалом. Теперь дождь не помешает мне. Я подношу флейту ко рту, замираюсь и стараюсь сосредоточиться.

– Расслабься, Сабина, – говорит Пернель. В свои тридцать девять лет она самая молодая из старейшин и единственная, кто поддержал меня. – Леуррессам не впервой переправлять души в грозу. Я буду помогать тебе. А пока сосредоточься на песне сирены.

В горле встает ком... но не от благодарности, а от чувства вины. Пернель доверяет мне, но она не знает, сколько лжи я наговорила, хотя и из добрых побуждений. Мне не хотелось причинять еще больше боли своей *famille*.

Они все еще оплакивают Одиву и не верят, что я смогу повести их за собой. Не знают, что Аилесса находится в Бо Пале, а ее *amouré* принц Южной Галлы. Или что Одива принесла в жертву Тирусу тысячи душ – Освобожденных душ, которые заслуживали рая, но вместо этого мать отправила их в Подземный мир. А еще они не знают, что я убила золотого шакала, которого мы так отчаянно разыскивали в прошлом месяце. Потому что поверили мне, когда я сказала, что это Одива нашла его, убила, а затем вырезала из кости флейту, которую сейчас держу в руках.

Вскоре Аилесса займет мое место. И все исправит.

Но вдруг я никогда не смогу ее вернуть? Смогу ли я рассказать *famille* правду?

«А пока сосредоточься на песне сирены», – мысленно повторяю я слова Пернель. А затем медленно втягиваю воздух и начинаю играть.

Мелодия песни сирен перекрывает рев дождя. Каждая бо-

лезненно-прекрасная нота манит, зовет и пробуждает жажду. Если бы ее слышали не только мертвецы, но и люди, то они бы не смогли удержаться и пришли бы посмотреть на темное нутро Загробного мира.

В последнем такте музыка взлетает вверх, а затем резко сменяется низкими финальными вибрирующими нотами. Я отнимаю флейту ото рта и заворачиваю ее в овечью шерсть. Кажется, мне удалось все сделать правильно.

– Молодец.

Пернель опускает импровизированный навес. И указывает на конец сухопутного моста, где примерно в двух с половиной метрах от нас камни обрываются в воду. На наших глазах низкие волны начинают пениться и бурлить. Мое сердце пускается вскачь, и я поспешно прячу костяную флейту в промокший карман платья. Я никогда раньше не видела, как выглядят Врата в воде. Только их странный аналог в виде Врат из пыли, который открылся в конце моста душ в пещере. Но и эти и те Врата вели в одно место – Подземный мир Тируса.

Волны вздымаются все выше, но не достают до сухопутного моста. Врата будут подниматься выше и выше, пока не зависнут в четырех метрах над водой, как колышущаяся вуаль. К этому времени море потемнеет от полуночно-синего до шелковисто-черного цвета, а волны станут все яростнее, но так и не дотянутся до моста.

Вновь начинает звучать песня сирен, но уже не из костя-

ной флейты, а из обоих Загробных миров. Она настолько чарующая, что мне едва удастся вздохнуть. На тяжелые ноты Подземного мира накладывается легкий мотив песни из Рая.

Я бросаю взгляд на Врата Элары, возникшие несколько секунд назад. Они раскрылись в нескольких шагах от меня справа, у самой кромки моста. Мерцающие серебром Врата напоминают запотевшее окно, скрытое косым дождем. Они выглядят такими же, какими я видела их на подземном мосту, только в этот раз винтовая лестница в Рай упирается не в потолок пещеры, а в нависшие гроззовые облака, просвечивающиеся молниями.

С моих губ срывается медленный вздох. А на лице расплывается улыбка.

Мне удалось то, что не смогла сделать мать в прошлый раз, – я открыла Врата. Мою песнь сирены приняли боги. И она открыла все Врата для переправы в мире. Так что Леуррессы из ближайших и дальних земель могут выполнять нашу священную работу.

Впервые в жизни, меня захлестывает прилив гордости за то, что я родилась Леуррессой.

Пронзительный крик эхом отражается от скал, окружающих бухту. И возникшее внутри тепло рассеивается. Мертвецы приближаются.

Стиснув посох, я поворачиваюсь и готовлюсь к бою. Мои обязанности на сегодня не закончились. Помимо открытия Врат, я должна провести каждую из призванных душ че-

рез них. Заключительный акт переправы ложится на плечи *matrone*... на мои плечи.

Пернель в нескольких шагах от меня принимает боевую стойку. И остальные Перевозчицы следуют ее примеру, вскидывая посохи. Мечи и кинжалы здесь ничем не помогут. Да, мы сражаемся с непокорными мертвецами, но душу нельзя убить; ее можно только переправить.

Скалы озаряются вспышками *chazoure*. Не обладай я ночным зрением, дарованным мне козодоем, то не смогла бы увидеть цвет светящихся душ. Другие Перевозчицы тоже обладают этой способностью, полученной из костей благодати, принадлежащих им. Поэтому сейчас их тела напряжены, а взгляды устремлены к скалам и пещере на берегу, где появляются души. Первая душа, достигшая моста, окутана цепями. Это Скованный, которого наказали боги за его непростительные грехи. Он настоящий гигант и как минимум на полметра выше меня. А еще двигается очень быстро. Он несется по сухопутному мосту, уклоняясь от большинства ударов посохов Перевозчиц. А тех, от которых увернуться не удастся, Скованный, кажется, не замечает. Он несется вперед, не сводя с меня взгляда светящихся *chazoure* глаз, потому что именно я играла на флейте. Скованный, как и все души, не может сопротивляться призыву прийти на мост, но все еще отчаянно стремится избежать вечности в Подземном мире.

Элара, помоги мне. Я не готова.

Пернель раскручивает посох, чтобы перекрыть мост ши-

риной чуть больше трех с половиной метров, чтобы задержать Скованного и выиграть для мне время. Но я просто отступаю назад.

Песнь Тируса отдается в позвонках.

Я оглядываюсь и охаю. До Врат воды осталось меньше шага. Я неуверенно шагаю вперед, чтобы оказаться как можно дальше от них. Скованный гигант протискивается мимо Пернель и бросается на меня.

– Выпад, сальто, удар! – кричит она.

И я, не задумываясь, выполняю контратаку, выученную еще в детстве. И это срабатывает. Мне удастся обмануть Скованного ложным выпадом, после чего я перепрыгиваю через его голову и, развернувшись, ударяю концом посоха в спину.

Его вполне осязаемое тело устремляется вперед, но Скованный умудряется выпрямиться. Рыча, он поворачивается ко мне лицом. Буквально в мгновение ока. И хватает мой посох, не давая нанести новый удар. Его взгляд цепляется за мое ожерелье с костями благодати. И глаза широко распахиваются. Не знаю, что его привлекло, но это дает мне возможность выдернуть посох из его руки и вновь ударить его в грудь. Скованный тут же падает в шелковистые черные воды Врат.

Я с трудом восстанавливаю дыхание и кивком благодарю Пернель. Она кивает в ответ и устремляется на помощь Дольссе, которая не справляется с встревоженным ребенком. Он из Освобожденных, но напуган загробной жизнью.

Другие Перевозчицы подбадривают и уговаривают одних или сражаются с другими. Я же замерла в конце моста, ожидая пока какая-нибудь душа доберется до Врат, сопротивляясь соблазну шагнуть в Подземный мир.

Призыв силен, но вполне преодолим... по крайней мере для меня. А вот Аилессе пришлось с ним побороться, но она, в отличие от меня, всегда искала острых ощущений и шла на поводу у эмоций, а не разума.

«Сабина».

Я хмурюсь. Кто окликнул меня? Женский голос едва перекрывал шум приливных волн и льющегося дождя.

«Сабина».

Этот красивый голос звучал словно музыка.

«Сабина, обернись. Я здесь».

Все внутри сжалось в тугой комок. Это просто невозможно...

Я оборачиваюсь. И смотрю на черную завесу Подземного мира. Я чувствую, как кровь отхлынула от лица. Моя мать... стоит сразу за Вратами из воды.

Одичавшая все так же невозмутима и в то же время сурова. Мертвенно-бледная кожа, копна волос цвета воронова крыла, красные, словно кровь, губы. А еще на ней кости благодати, которые она носила при жизни. Кулон из кости медведя-альбиноса, вырезанный в форме когтя, раскачивается среди настоящих когтей медведя на ее трехъярусном ожерелье вместе с зубами ската-хвостоккола. Плечи закрывают эпо-

леты из перьев и когтей филина, один из которых тоже вырезан из кости. А на ее голове корона из позвонков асписовой гадюки и черепа гигантской вечерницы, которая всегда казалась мне устрашающей.

Но мать не может... не может быть жива.

– Ты умерла.

Мой хриплый голос едва ли громче шепота, но, видимо, она услышала меня, потому что тут же спрашивает:

– Разве я свечусь *chazoure*?

Я качаю головой. И неистовый стук сердца отражается эхом в небе над головой.

– Но как ты?..

– Где твоя сестра, Сабина?

Я недоуменно моргаю.

– Она... она...

Ребенок-Освобожденный, рыдая, прижимается ко мне. Девчушка выглядит младше Феличе и Лизетт, самых младших представительниц *famille*. Я оцепенело беру ее за руку и под неотрывным взглядом матери подвожу к Вратам Эларты. А как только девчушка вступает на лестницу, не задумываясь возвращаюсь к Вратам Тируса. Словно не управляю своим разумом и телом. Мне все еще не верится в реальность происходящего, но это так. Ведь мне подобное бы даже в голову не пришло.

– Я застряла здесь, Сабина. – Одида протягивает руку к Вратам из воды. – И чтобы освободиться, мне нужна старшая

дочь. Где она?

– Аилесса не... – Я сжимаю губы.

Мне не следует разговаривать с ней. Я отступаю на шаг и оглядываюсь по сторонам в поисках Пернель. Она подскажет, как поступить. Но самая молодая из старейшин сражается с двумя Скованными. Да и остальным Перевозчицам не до меня. Все их внимание сосредоточено на душах.

– Почему роль *matrone* сегодня исполняет не Аилесса?

Одива пристально посмотрела на конец моста, где я стояла. Песня сирены Тируса все еще звучала из Врат, и ее темное очарование развязало мне язык.

– Ее *amouré* оказался принц Южной Галлы. А его отец, король, при смерти, так что... скоро Аилесса станет королевой. – Ради защиты Аилессы я готова морочить голову матери, хотя сделаю все, чтобы помешать Казимиру добиться своего. – Она считает золотую корону привлекательнее места *matrone*, – не удержавшись, добавляю я, чтобы сильнее разозлить Одиву, хотя прекрасно понимаю, что это не так.

Аилесса всю жизнь готовилась к тому, чтобы стать во главе нашей *famille*.

Одива склоняет голову с присущей только ей элегантностью.

– А что станет с короной, когда Аилесса убьет своего *amouré*?

Я пожимаю плечами, стараясь изобразить больше дерзости, чем обладала на самом деле.

– Она все равно останется королевой.

Мать кривит губы:

– Приведи ее ко мне, Сабина. Ей всего-то нужно коснуться моей руки, чтобы Тирус выпустил меня.

Как можно быть настолько высокомерной?

– Почему я должна помогать тебе? И помогать возвращаться в мир живых после того, что ты сделала?

– Ты хотела сказать, что бог попросил меня сделать.

Я усмехаюсь.

– Я не злодейка, дитя. Разве я скована цепями?

– Только мертвых сковывают цепями.

Но Одива пропускает мимо ушей мое замечание. Она поднимает руку к ожерелью, не к костями благодати, а к тому, что подарил мой отец, кем бы он ни был. К черепу вороны, которая держит в приоткрытом клюве рубин.

– Твой отец хочет встретиться с тобой, Сабина. Если Аилесса освободит меня, я смогу вернуть и его.

– Нет. – Мой голос разрезает воздух, как костяной нож, а ноги начинают дрожать.

И до меня наконец доходит, чего добивается мать. Ее разговор с Тирусом не разорван. И для освобождения моего отца, оказавшегося Скованным, бог Подземного мира все еще требует принести ему в жертву Аилессу.

– Я не хочу с ним встречаться. И Аилесса никогда не придет к тебе. Я сделаю все, чтобы этого не произошло.

Ее глаза цвета оникса впиваются в меня.

– Все? Что ж, остерегайся благодати, которую ты заполучила. Золотой шакал Тируса хитер. Он станет выискивать твои слабости.

В животе все сжимается. Видимо, Тирус сказал ей, что я получила кость благодати от золотого шакала. Потому что, когда мать еще была жива, я сказала ей, что вырезала кулон из кости черного волка.

– Шакал дает мне силу.

Одива протягивает ко мне руку и прижимает ладонь к завесе воды между нами.

– Я хочу помочь тебе, Сабина. Я многому научилась в Подземном мире. Мы сможем разделить твои благодати.

– Это невозможно.

– Не для меня. Особенно сейчас. Я помогу тебе раскрыть твой потенциал с благодатью шакала. Без моей помощи ты не справишься с его силой.

Я сглатываю. Неужели благодать золотого шакала действительно опасна? Песня сирены Тируса становится громче и звучит все быстрее.

За моей спиной рычит Скованный. Мне нужно провести их через Врата, но я не могу отвести глаз от пронизывающего взгляда матери.

– Подойди ко мне, дочь, – говорит она. Ее волосы цвета воронова крыла развеваются за спиной, а темно-синее платье колышется на ветру. – Тебе нужно лишь коснуться моей руки.

– Сабина, что с тобой? – кричит Пернель. – Проведи их через Врата!

Я ахаю. Рука замерла в паре сантиметров от вуали. А я не помню, чтобы шевелила даже пальцем. Дернувшись, я разворачиваюсь, но не вижу Пернель. Передо мной стоят два Скованных. Один из них уже замахнулся на меня, а второй тянется к моей шее. Но увидев мое ожерелье, вздрагивает.

Я уворачиваюсь от обоих и убегаю от них по сухопутному мосту.

– Сабина, вернись! – кричит Пернель.

Не могу. Ей придется самой переправить души. А мне следует держаться подальше от матери.

Другие Перевозчицы не замечают меня, пока я не проношусь мимо них. Мне приходится уворачиваться от их посохов и душ, с которыми они сражаются.

– Остановись, Сабина! – кричит Мориль, когда я достигаю начала моста. – Врата закроются!

Но я продолжаю бежать. Ее слова кажутся мне бессмысленными. Врата остаются открытыми, пока не иссякнут души, которые требуется переправить.

Я пробегаю мимо Айлы, последней из Леурресс. Она пытается схватить меня, но ей мешает Скованная женщина, возникшая между нами.

– Ты *matrone*! – кричит она, когда я отталкиваюсь от последних камней. – И должна оставаться...

Мои ноги касаются песка.

– ...на мосту!

Вода вокруг Врат вздымается бурной волной и обрушивается на дальний конец моста. Он тут же перестает подниматься. А серебристое мерцание, обозначающее вход в царство Эллары, рассеивается.

Все, стоящие на сухопутном мосту – Перевозчицы и души, – резко останавливаются.

Души глазеют на конец моста, где больше нет Врат. Раздаются недоуменные крики, которые быстро перерастают в рев.

А затем души устремляются обратно. Прыгают в воду. Бегут на берег. Поднимаются вверх по лестнице из известняка. Мы с Перевозчицами пытаемся остановить их. Загнать словно стадо овец. Но нам не удастся сдержать возникший хаос.

Нет, нет, нет. То, что произошло в прошлую Ночь Переправы, не должно повториться.

Мертвые вырвались на свободу. Скованные и Освобожденные. Они направляются в Довр, в самый большой город в Южной Галле.

Но в этот раз во всем виновата только я.

6. Бастьен

Я в сотый раз проклиная Казимира, пиная солому по камере и громко топая ногами по каменному полу. А вдруг предыдущий заключенный спрятал здесь что-нибудь тонкое и острое. Мне бы это пригодилось. Вырубив меня, гвардейцы забрали мои отмычки. Поэтому я очнулся с раскалывающейся головой и еще большей злостью на принца.

Ублюдок. Он лично затолкал меня в эту камеру. Я смутно помню злорадство на его лице, когда зарешеченная дверь с лязгом захлопнулась. «Вор», – так он называл меня, пытаюсь выразить в этом слове все пренебрежение ко мне. Раньше я гордился этим титулом. И уже много лет меня разыскивают гвардейцы Довра, но до сегодняшнего дня мне удавалось скрываться.

Мимо проходит тюремный стражник с толстой шеей и замечает, что я ковыряю ногой камни в полу.

– Ты чего там творишь? – Он скрещивает руки на груди.

Я принимаю такую же позу.

– Танцую. Ничего не могу с собой поделать. – Я указываю подбородком на потолок. – Это все музыка виновата. – Скорее всего, уже давно перевалило за полночь, но, судя по тихим звукам, которые доносятся сюда, празднование Ла Лье-зон еще в самом разгаре. – Меня удивляет, что ты не отплясываешь джигу.

Стражник хмурится:

– Осторожнее, мальчик. Здесь болтливые долго не живут.

Я продолжаю улыбаться, пока он не уходит дальше. А как только стражник скрывается из вида, выдыхаю и провожу руками по волосам. Надо выбираться отсюда. Мне не освободить Аилессу, пока я заперт здесь.

Снаружи гремит гром. Я залезаю на каменную скамью в дальней части камеры, чтобы дотянуться до маленького за решеченного окна под самым потолком. Через него проникает немного света перед самым закатом – но не то чтобы света было много. К тому же сегодня не стихает буря.

Я дергаю за прутья, пытаюсь вырвать решетку. Она могла бы пригодиться мне в качестве оружия. Но металл не поддается. Не обращая внимания на мучительную боль от колотой раны, я продолжаю дергать решетку. *Ну же.*

– Бастьен?

Мои мышцы напрягаются. Этот голос. Аилесса. Я задерживаю дыхание и оборачиваюсь. Она стоит в полутора метрах от решетки. Ее каштановые волосы в свете факелов приобрели красноватый оттенок. А нежная кремовая кожа излучает сияние, отчего кажется практически совершенной. Я соскучился по ее веснушкам и естественному розовому румянцу, правда, сейчас все ее лицо покрыто пудрой. Но это неважно. Даже так она выглядит красивее, чем в моих воспоминаниях. Особенно в зеленом платье, в котором ее плечи остаются открытыми, а золотистый пояс с изумрудами под-

черкивает тонкую талию.

Ее янтарные глаза наполняются слезами.

– Ты жив, – выдыхает она. – Как ты?.. – Она сглатывает. – Мама ударила тебя ножом.

– Я в порядке. – Мне с трудом удастся выдавить из себя, от осознания, что Аилесса действительно здесь. – Сейчас мне намного лучше.

Она обводит меня взглядом, чтобы убедиться в этом, но затем стискивает челюсти, а ее взгляд становится суровым.

– Тебе не следовало приходить.

– Аилесса...

Напряжение, не дававшее даже пошевелиться, быстро отпускает. И во мне нарастает желание обнять ее. Я спрыгиваю со скамьи и бросаюсь к решетке. Аилесса передвигается медленно и слегка пошатывается. Ее ноздри раздуваются. Она злится, но я не виню ее. Я сам все усложнил.

Когда Аилесса, ковыляя, подходит ближе, свободный рукав на левой руке скользит назад, демонстрируя костыль. Я протягиваю руки, чтобы помочь ей. Но все равно не могу дотянуться до нее, как и на мосту душ, когда она сломала ногу. А я истекал кровью и едва не умер. Поэтому и не мог помешать Казимиру забрать ее.

Аилесса делает еще один неуверенный шаг – и наши пальцы соприкасаются. Я тут же обхватываю их и тяну ее к себе. Она вплотную подходит к прутьям решетки, расстояния между которыми достаточно, чтобы наши губы встретились.

Костыль выпадает из рук Аилессы. А она так крепко хватается за мои руки, что впивается ногтями в кожу. Не разрывая поцелуя, я обхватываю ее лицо. И смахиваю слезы со щеки. Проклятые прутья. Они мешают нам стать еще ближе друг к другу.

– Как ты сюда попала? – выдыхаю я, отстранившись от ее губ на пару секунд, чтобы произнести эти слова. – Тебе следует быть осторожнее. Стражник... вернется в любой момент.

– Он занят. – Аилесса углубляет поцелуй. – В темницы есть еще один вход. И я видела, как Софи направлялась к нему.

– Что за Софи?

– Служанка.

Я пытаюсь придумать, что сказать еще, но мысли разбегаются в стороны. Аилесса пахнет просто потрясающе. Свежая земля, полевые цветы – от нее исходит пьянящий аромат жизни. Пальцы путаются в ее волосах, а я не в силах насытиться ею. Мы скользим вниз по прутьям, пока не оказываемся на коленях. Аилесса ерзает на полу, пока не находит более удобное положение для сломанной ноги. Здравомыслящая часть моего мозга подсказывает, что нам следует остановиться, сбежать из темницы, а уже затем растворяться друг в друге. Но сейчас, когда она наконец-то оказалась в моих объятиях, так трудно собраться с мыслями.

– Аилесса... – бормочу я.

– Ммм?

По коже расползается дрожь, когда я чувствую прикосновение ее пальцев под рубашкой.

– У тебя есть что-нибудь... острое?

– Острое? – Ее смех звучит хрипло и счастливо.

– И тонкое... – Я провожу пальцами по гладкой коже ее плеч. – Что-то, чем можно... поковырять... в замке.

Аилесса отстраняется и недоуменно смотрит на меня.

– Хм... ну, думаю, да.

Ее губы припухли и покраснели, а на лице появился румянец. Она медленно проводит рукой по спутанным волосам.

– Мне не верится, что тебя поймали.

– Я сейчас не в самой лучшей форме.

Аилесса протяжно выдыхает.

– Тебе не стоило приходить в замок. Тебя могли убить.

– Неужели ты бы отсиживалась в сторонке, окажись я на твоём месте?

Ее виноватое молчание говорит само за себя.

– Так я и думал.

Сжав губы в усмешке, Аилесса пристально смотрит на меня. А затем вытаскивает из волос декоративный гребень.

– Сможешь вырвать один из зубов? – передавая его мне, спрашивает она.

Я слегка надавливаю на гребень, и он изгибается в моих руках.

– Сомневаюсь, что хватит длины зубьев. Да и золото

слишком мягкий металл. Обычно он только застревает в замке. У тебя нет шпилек в волосах?

Увидев, как она качает головой, я пристально осматриваю ее наряд.

– А в лиф вшиты китовые усы?

Она морщится:

– Женщины носят усы китов в одежде?

Я усмехаюсь:

– Тебе ли этому удивляться?

На лице Аилессы расплывается улыбка, но уже через мгновение уголки ее губ опускаются. Она потирает шею.

– Сейчас у меня нет костей благодати.

– Их забрал Казимир? – хмыкаю я. – Меня это не удивляет.

Еще один повод ненавидеть принца. Я верчу гребень в руках.

– Почему он подарил тебе золото?

Аилесса пожимает плечами и опускает глаза.

– Он подарил мне не только его.

У меня все сжимается внутри.

– Любой дар не принесет удовольствия, если у тебя отнимают свободу... но отнимают ли?

– Казимир не ограничивает мою свободу. Я не принимаю его подарки совсем по другой причине.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что Казимир не ограничивает твою свободу? – Низкий раскат грома проносится по

темнице. – Он же похитил тебя.

– Нет, Бастьен. Я сама решила остаться здесь.

– А разве ты могла решить иначе со сломанной ногой и без костей благодати?

– Но я бы могла уйти, если бы захотела.

Что-то мне в это не верится.

– Почему ты не хочешь признать, что принц получает все, что хочет... и кого хочет? – Я невольно повышаю голос. – Потому что считает, что имеет на это право.

– Тише, стражник нас услышит.

– Ну и пусть.

Она вздыхает:

– Ты не понимаешь всей ситуации.

– Так просвети меня.

– Казимир хороший парень. Когда он принес меня в замок, то попросил дать ему шанс.

– Шанс на что? Завоевать твое сердце? – Мне не верится, что я это слышу. – Так вот что это? – Я указываю рукой на ее платье. Оно, наверное, стоило целое состояние. Да и в целом Аилесса выглядела как королева. – Твой шанс?

– Возможно, не в том смысле, который в это вкладывал он, но да. Он мой *amouré* и...

– Так у тебя появились чувства?

Она смотрит на меня, сузив глаза:

– Принимая решение не убивать Казимира, я думала о тебе.

У меня падает челюсть. И пару секунд даже не могу подобрать слов.

– Ты... что?

– А если бы я убила тебя, когда мы впервые встретились на Кастельпонте? Если бы твоему отцу дали шанс, а не убили, не дав сказать и слово?

Яркое воспоминание, как его закалывает ножом Костяная волшебница, захватывает разум.

– Не сравнивай Казимира с моим отцом, – выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. – Это нечестно.

– Я пытаюсь заставить тебя понять, – возражает она, повысив голос. – Твой отец не заслужил такую смерть. Как и Казимир. Вот почему я не могу убить его.

– Но ты умрешь вместе с ним.

– Я найду способ разорвать связь душ, мы же хотели...

– Это пустые мечты, Аилесса. Не стоит обманываться.

Да что с ней такое? Она же сама все понимает и однажды уже прошла через это. Так почему упорствует?

– Связь душ разорвать невозможно.

Аилесса упрямо поджимает губы:

– Нельзя утверждать это наверняка.

– Аилесса, прошу... – Я протягиваю руку между решетками и обхватываю ее руки дрожащей ладонью. – Не спорь со мной. Я не могу... – Голос срывается. И я вновь становлюсь ребенком, держащим на руках мертвое тело своего отца. – Я не могу потерять еще и тебя.

Ее глаза блестят от навернувшихся слез, а от гнева не остается и следа. Аилесса пододвигается ближе ко мне.

– Ты не потеряешь меня, Бастьен. – Она проводит рукой по моей щеке. – Мы разберемся с этим, обещаю. Еще есть время. Я планировала сбежать из замка, как только заживет нога. – Она пожимает плечом. – Вообще-то, я хотела сбежать этим вечером. Сегодня – Ночь Переправы.

Внутри все сжимается.

– Но потом я оказался здесь.

На ее губах появляется легкая улыбка.

– Но потом ты оказался здесь. И я не смогла уйти, зная, что ты заперт в темнице.

Я прижимаю голову к решетке. *Merde*, я все испортил.

Аилесса проводит пальцами по моим волосам и затылку.

– Я улизнула с праздника, как только появилась возможность. Сказала Казимиру, что плохо себя чувствую.

Я поднимаю глаза.

– Ты так легко ушла с ужина, на котором присутствовали король и принц?

– Король Дюранд не появился. Он слишком плохо себя чувствует, а Казимир залил свое разочарование несколькими бокалами вина. Так что его не очень интересовали мои объяснения.

Я тяжело вздыхаю:

– Сабина расстроится, когда узнает, что ты осталась в замке из-за меня.

Ее глаза распахиваются.

– Ты разговаривал с Сабиной?

– Мы вместе пришли сюда. И она помогала мне, Жюли и Марселю придумать план, как пробраться в замок.

Аилесса судорожно вздыхает.

– С ней все в порядке? Что случилось? – Она сжимает мою руку. – Бастьен, я должна знать.

Я как можно короче пересказываю ей события последних двух недель, включая сегодняшнюю авантюру с черным порохом.

– Надеюсь, Жюли и Марсель смогли покинуть замок, – говорю я. – Гвардейцы попытаются узнать, как мы пробрались внутрь.

Когда я дохожу до стычки Сабины и Казимира, а затем упоминаю, как она сбежала из замка без каких-либо объяснений, Аилесса морщит лоб.

– Может, они что-то еще говорили, а ты не услышал?

– Возможно, – признаю я.

– Сабина не стала бы уходить так внезапно без веской причины.

Я потираю подбородок:

– Она попросила меня передать тебе кое-что.

– Что? – Аилесса подается вперед.

– Кажется, Сабина узнала песню сирены, чтобы открыть Врата.

– Что? Как? – удивленно отпрянув от меня, спрашивает

она.

– Сабина не сказала. Видимо, ее мысли занимала инсценировка самого драматичного из всех возможных побегов.

Несколько секунд Аилесса молчит, обдумывая услышанное. И выглядит при этом... расстроенной. Но это и неудивительно, если вспомнить, как она заботится о своей сестре.

– Не переживай за Сабину, – успокаиваю я Аилессу и целую ее ладонь. – У нее есть костяная флейта. С помощью нее она и заманила Казимира в ловушку, а потом привела на подземный мост... Она говорила, что смогла это сделать как твое доверенное лицо. Так что можешь не переживать о переправе сегодня ночью. Сабина возглавит ее, как возглавляла вашу *famille*, пока тебя не было.

Аилесса удивленно поднимает брови.

– Она возглавила *famille*? Как *matrone*?

Я не понимаю, почему это ее так шокирует.

– Да, пока ты не вернешься.

Заметив, как поникли плечи Аилессы, я провожу большим пальцем по тыльной стороне ее ладони.

– Что-то не так?

– Ничего, просто... моя *famille* не позволила бы Сабине взять на себя такую ответственность, если бы мама уже не объявила ее своей наследницей. Видимо, она сделала это, пока я была с тобой. – Аилесса натянуто улыбается, но в ее глазах не отражается ни единой эмоции. – А задумала она это еще давно, когда решила принести меня в жертву Тирусу.

Два года назад Одива заключила сделку с богом Подземного мира, согласившись обменять своего первенца на мужчину, которого любила. Не ее *amouré*, а отца Сабины. Она хотела воскресить его, но этого не произошло, так как Одива не выполнила свою часть сделки. Она не убила Аилессу. А пожертвовала собой.

– Но ты все еще жива... И остаешься ее наследницей, – стараясь утешить Аилессу, говорю я.

– Знаю, – бормочет она, но ее взгляд все так же пуст.

Из коридора до нас долетает эхо шагов. Стражник возвращается. Аилесса вздрагивает и хватается свой костыль. Я протягиваю руки между прутьями и помогаю ей подняться на ноги.

– Я вернусь... чуть позже, – шепотом обещает она. – И принесу отмычки.

Аилесса начинает поворачиваться, но я притягиваю ее к себе и целую в губы. Она быстро отстраняется и словно замыкается в себе. А затем с извиняющимся выражением на лице качает головой.

– Мне... мне пора идти.

– Подожди. – Я пытаюсь понять, чем обидел ее, потому что чувствую, как между нами возникла трещина, которой не было еще пару мгновений назад. – Сабина принесла костяной нож. – Я быстро объясняю, ей где он спрятан. – Прощу, подумай о моих словах. Возможно, у тебя не появится шанса добраться до Казимира после того, как мы покинем

Бо Пале.

Хотелось бы мне убить этого ублюдка за нее.

Она опирается на костыль и ковыляет к выходу.

– Бастьен, я...

– Прошу, Аилесса.

Она поджимает губы и смотрит в сторону коридора, по которому к нам приближается стражник. Наконец она кивает и, повернувшись на костыле, скрывается в тени.

Я прерывисто выдыхаю. Я понимаю, что своей просьбой предаю память своего отца, но как Аилессе спасти себя, если она не убьет Казимира?

7. Аилесса

Рукоять костяного ножа впиивается в мой позвоночник. Я спрятала его в шнуровке своего платья, вытащив из цветочной гирлянды колонны, которая расположена у входа в большой зал, где его и спрятал Бастьен. Мне удалось незаметно забрать его, и даже не пришлось возвращаться на праздник. И хотя нож надежно скрыт волосами, сердце все сильнее бьется в груди.

«Успокойся, Аилесса. То, что ты взяла нож, не означает, что ты убьешь Каза».

«Хоть и должна это сделать», – твердит другой голос. В нем слышится тембр Бастьена, но чем дольше слова вертятся в голове, тем сильнее напоминают Сабину. Самые близкие мне люди заботятся обо мне – и, конечно же, хотят, чтобы я жила, – но они не знают Казимира. Легко обречь человека на смерть, если для тебя он незнакомец.

Я ковыляю по коридору так быстро, как только могу. Встреченные на третьем этаже Бо Пале гвардейцы не трогают меня. Как и слуги. Они кланяются или приседают в реверансе, словно я принцесса. Хотя не знают меня. И даже не догадываются, что единственная корона, которую я соглашусь надеть, будет сделана из костей.

Я возглавлю Перевозчиц в следующую Ночь Переправы, несмотря на то, что мама назвала Сабину своей наследницей.

Я должна стать *matrone*. И Сабина в глубине души знает об этом. Как и моя *famille*. Они сочтут меня достойной и вернут мне мое законное положение... ведь так?

Внутри все сжимается. И на мгновение я погружаюсь в свои мысли, как это произошло с Бастьеном в темнице. Не знаю, что со мной происходит, но в какой-то момент я начинаю скучать по своей *famille* сильнее, чем обычно. Словно что-то рвется внутри. Меня не было слишком долго. Как только освобожу Бастьена, сразу отправлюсь домой.

Я смотрю в конец длинного коридора. Чтобы добраться до моей комнаты, нужно пройти еще пару дверей. Я проклинаю свое раздробленное колено, из-за которого приходится ковылять, и отсутствие костей благодати. С силой сокола я бы передвигалась намного быстрее, дар акулы сделал бы более выносливой, а ловкость горного козла помогла бы удерживать равновесие на костыле. Я выдыхаю, стараясь не думать о пропавших костях. И начинаю перебирать по памяти вещи в своей комнате. Может, что-то из них подойдет в качестве отмычки для Бастьена?

Я делаю еще один шаг, и в этот момент по замку разносится тихий звук. Женский смех. Он звучит настолько необузданно и самозабвенно, что у меня волосы на руках встают дыбом. Я оглядываюсь по сторонам, но никого не вижу. Коридор пуст.

— ...жаль, что ты не смог с ней познакомиться.

Каз? Я оборачиваюсь на звук знакомого голоса. Он доно-

сится из ближайшей комнаты, высокая и богато украшенная дверь, которая широко открыта. Покои короля Дюранда. И чтобы попасть в свою комнату, мне необходимо пройти мимо них.

Я осторожно ковыляю вперед, изо всех сил стараясь идти как можно тише. Если Каз увидит меня, придется объяснять, почему я солгала о своем состоянии и ушла с праздника пораньше.

– Не волнуйся, – продолжает он. – Я знаю, что тебе необходимо беречь свои силы. Мы придумаем, как познакомить тебя с Аилессой.

Проходя мимо двери, я не удерживаюсь и заглядываю в комнату. Казимир сидит на стуле рядом с кроватью с балдахин. Бархатные шторы закрыты, но одно из полотен убрано в сторону, а Каз наклонился вперед и, опершись локтями в колени, держит руку отца. Я вдруг понимаю, что стою на месте уже несколько секунд. А все потому, что впервые вижу короля Дюранда.

Возможно, когда-то он был красив – его лицо отличалось утонченностью, – но сейчас кожа даже при свете свечей кажется болезненно-серой. А еще он такой худой, что выглядит практически как скелет. Но светло-зеленые глаза все еще привлекают внимание. Возможно, из-за любящего взгляда, которым он смотрит на своего сына. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же заливается кашлем. Каз быстро подносит к его губам чашку с водой. Король пытается пить,

но большая часть льется по подбородку.

Я отвожу взгляд. Казимиру бы не хотелось, чтобы я видела его отца в таком состоянии. Поэтому начинаю красться мимо дверного проема, надеясь, что он не заметит меня. Но едва я успеваю преодолеть половину пути, как жуткий смех возвращается. Он наполняет мои уши, а затем проносится мимо в открытую дверь комнаты короля. Но я не вижу женщины.

Каз оборачивается. Его брови сошлись на переносице.

– Аилесса, что ты?.. – Он резко дергается, когда бестелесный смех проносится мимо него. – Что это было?

Ледяной ужас расползается по венам, когда я наконец осознаю, с чем мы столкнулись.

– Нет, это невозможно. Только не снова.

– Что невозможно?

Отбросив волосы в сторону, я выдергиваю нож из шнуровки платья и поспешно ковыляю в комнату.

– Защищай своего отца, Каз!

Он вскакивает на ноги и выхватывает украшенный драгоценными камнями кинжал. Его глаза мечутся по гобеленам и темным углам комнаты.

– Кто здесь? Я никого не вижу.

– Это Скованная.

Это точно она. А значит, Сабина не смогла открыть Врата в Потусторонние миры. И не переправившиеся души вырвались на свободу. А значит, я нужна своей *famille*.

– Скованная? – повторяет Каз.

– Некоторые люди называют их призраками.

Его глаза расширяются.

– Что ты сказала?

– Их называют призраками, – повторяю я.

Он ничего не знает о мертвых. Но ему придется быстро учиться. Я обхожу кровать, чтобы мы могли защитить короля с обеих сторон.

– Но она из плохих призраков. Не дай ей добраться до короля. Он и так слаб.

Я могла бы рассмотреть сияние *chazoure*, будь на мне кости сокола, или распознать, где она находится, обладай я шестым чувством тигровой акулы.

За окном вспыхивает яркая молния. И тут же следует оглушительный раскат грома, от которого на мгновение закладывает уши.

– ...прочь от него, исчадие Тируса! – яростно кричит Каз.

Я отбрасываю в сторону бархатные шторы. Король Дюранд сидит, но верхняя часть его тела странно клонится вбок. Скованная держит его на весу.

Он слабо отбивается от своего невидимого противника с круглыми от ужаса глазами. Каз размахивает кинжалом из стороны в сторону, но его клинок режет лишь воздух. И он не осмеливается приблизиться к отцу.

Я переворачиваю костяной нож и сжимаю лезвие.

– Каз, берегись!

И как только он отстраняется, я метая нож. В паре сантиметров от лица короля клинок застревает в воздухе, а следом раздаётся женский крик. Король падает на подушку. Зависший нож отскакивает и падает на постель. У изножья кровати шторы на пару мгновений расходятся в разные стороны. Нам удалось прогнать Скованную.

Комната погружается в тишину, если не считать барабанищего по оконному стеклу дождя. Я напрягаю слух, чтобы понять, куда сбежала Скованная. На лице Каза читается неподдельный шок. Вряд ли на него когда-нибудь нападали мертвые. Сабина привела его на подземный мост после того, как я закончила переправлять души.

– Разве призрака можно заколоть ножом? – шепчет он, все еще держа кинжал наготове.

– Скованные осязаемы. – Я упираюсь в матрас здоровым коленом и подбираю свой костяной нож. – Все души такие.

Каз кивает, но продолжает хмуриться:

– И эти Скованные не истекают кровью?

– И не умирают.

Он сглатывает:

– Чудесно.

Король Дюранд вновь начинает кашлять, и Казимир подкладывает ему под спину еще одну подушку.

А у меня в голове возникает ужасающая мысль.

– Когда твой отец заболел?

– Около месяца назад.

– Когда заболели и другие люди в Довре?

Некоторые называют это второй чумой. Но они ничего не знают о Скованных, потому что просто не видят их. Поэтому и не понимают, что множество людей в городе ослабло и страдает из-за того, что Скованные украли их Свет в прошлый раз, когда мы не смогли переправить мертвых и они вырвались на свободу. А украденный Свет нельзя восполнить.

– Да. – Каз всматривается в мое лицо в свете свечи. – Что?

Шторы у изножья кровати расходятся в стороны от порыва ветра. Я замахиwaюсь ножом, но не успеваю отразить удар. Ребра пронзает боль, и меня отбрасывает на несколько метров назад.

– Аилесса! – кричит Каз, когда я падаю на пол.

Костыль вылетает у меня из рук, а костяной нож скользит по полу.

Скованная смеется. Казимир бросается на звук, но она уже ускользает. И вновь смеется уже у него за спиной.

Я хватаю ртом воздух, но мне не удастся глотнуть достаточно воздуха, чтобы предупредить его.

Каз разворачивается и пытается пронзить Скованную кинжалом, но его рука замирает в воздухе.

Она схватила его за запястье.

– Глупый принц, – вкрадчиво говорит женщина. – Ты такой же, как твой отец, наслаждаешься спокойной жизнью в замке и не обращаешь внимания на страдания других?

Видимо, она из несогласных. И обвиняет монархов в возникшей чуме.

Каз пристально смотрит туда, где должно находиться ее лицо.

– По-твоему, мой отец сейчас наслаждается жизнью?

Его рука резко выворачивается, а кинжал выпадает из пальцев. И в тот же момент его отбрасывает назад. Казимир врезается спиной в каменную стену и ударяется головой. Меня охватывает паника. Если Каз умрет, то и мне не жить. Поэтому я ползу к костяному ножу. Времени подниматься на костыль нет, а помощи ждать неоткуда. Из-за раскатов грома гвардейцы, скорее всего, ничего не слышат.

Матрас прогибается, а значит, Скованная забралась на кровать.

– Боги наказывают тебя за то, что ты проклял землю, – говорит она.

Голова короля Дюранда приподнимается над подушкой, когда она притягивает его к себе. Он стонет, а его глаза мечутся по комнате.

– Я помогу им! – добавляет она.

– Отпусти его! – До ножа еще не меньше полутора метров, поэтому я пытаюсь ползти быстрее. – Каз, помоги!

Принц с трудом приходит в себя после удара головой и слегка приподнимается с пола.

– Твой отец и так потерял слишком много Света, – говорю я. Скорее всего, на короля напали, когда Скованные заполо-

нили улицы Довра. – Она убьет его! Уничтожит его душу!

Лицо Казимира становится пепельно-серым.

– Это возможно?

– Да!

Он бледнеет еще больше и нащупывает свой кинжал. А я наконец добираюсь до костяного ножа. Обхватив его рукоять, я приподнимаюсь на здоровой ноге. После чего прицеливаюсь и метаю клинок. Он вновь пролетает рядом с головой короля, но в этот раз вонзается в столбик кровати. Я промахнулась.

Глаза короля Дюранда закатываются, пока не становятся совершенно белыми. Его грудь опускается, словно его высасывают досуха. Ужас охватывает меня. И я отчаянно прыгаю к кровати.

– Скорее, Каз! Она схватила его!

Он бросается вперед. Я никогда не видела его таким злым. Казимир запрыгивает на матрас и наотмашь бьет кинжалом. Я слышу, как клинок впивается в Скованную, после чего король падает на кровать. Каз тут же хватается женщину и наносит еще несколько ударов. У меня все сжимается внутри, хотя она невидима и не истекает кровью.

Казимир продолжает сражаться с ней, но он не сможет отбиваться вечно. Я бросаю взгляд на окно. Оно точно такое же, как в моей комнате, со стеклами, вставленными в створки.

– Каз, води ее сюда! – Я прыгаю к окну, не обращая вни-

мания на пульсирующее колено. — Только так мы сможем избавиться от нее.

По крайней мере, сейчас.

Продолжая наносить удары, он стаскивает Скованную с кровати. Она громко кричит, а судя по появляющимся у него на лице царапинам, еще и пытается отбиться.

Я подхожу к окну, отодвигаю щеколду и распахиваю створки. Шторы сильно колышутся на ветру, а дождь заливает комнату, пока Каз подтягивает невидимую женщину ближе.

— А она не сможет взлететь обратно?

— Души не летают.

— Ну конечно, — бормочет он.

Я протягиваю руку, чтобы помочь развернуть ее, но тут Каз поскользывается на мокром полу. Ему быстро удается вернуть равновесие, но кинжал вылетает у него из рук.

— Аилесса, она... — Он застывает и вдруг начинает хватать ртом воздух и давиться.

А затем его глаза закатываются.

Нет! Хватая ртом воздух, я вцепляюсь в плечи. А затем бью и трясую ее, но она не отпускает Каза.

— Почему ты спрятал мои кости благодати? Я без них никто! — ругаюсь я на Казимира.

Его губы дергаются, но он не может мне ответить. Я подтаскиваю женщину к окну, а она тянет за собой Каза. И вот уже подоконник упирается мне в спину. Мы сражаемся втро-

ем под проливным дождем. У меня возникла мысль начать душить Скованную, когда я вдруг начинаю задыхаться. Но почему? Она даже не прикасается ко мне. Но ощущение удушья расплзается по всему телу. Я пригибаюсь к полу.

Сердцебиение отдается в ушах. Я теряю Свет, как и Каз. Почему-то Скованная крадет его и у меня. Я падаю на пол, отчаянно стараясь остановить это. И тут натываюсь пальцами на мокрый металл. Кинжал Каза. Я обхватываю ладонью рукоять и собираю последние крохи сил, планируя ударить женщину по голени. А затем, приподнимаюсь на здоровом колене, я обрушиваю на нее удар изо всех сил, что у меня еще остались. И не промахиваюсь.

Закричав, Скованная выпускает Казимира. Ему приходится вцепиться в подоконник, чтобы не упасть. И мы одновременно судорожно втягиваем воздух.

– Давай, Каз! – кричу я.

Он толкает Скованную. А я хватаю ее невидимые ноги и отрываю от пола. И мы выталкиваем ее в окно.

Несколько секунд ее потусторонние крики наполняют воздух, но, когда она опускается с высоты третьего этажа на землю, они стихают. Гроза заглушает звук ее падения.

Медленно выдохнув, Казимир опускается на пол рядом со мной. И пару мгновений мы просто сидим спиной к спине, тяжело дыша, насквозь промокшие от дождя.

– Что... только что произошло? – спрашивает он.

– Кажется, мы потеряли часть наших... – я сглатываю, –

наших душ.

– Мы?

У меня начинают стучать зубы.

– Ты мой *amoué*. – Он уже слышал это слово на мосту душ в пещере, но я никогда не объясняла, что оно означает. – Мы связаны душами. И все происходящее с тобой отражается на мне.

Я не собираюсь вдаваться в подробности. Потому что сама едва могу осознать происходящее. У меня ведь даже мысли не возникло, что я могу лишиться души, если на него нападет Скованный.

Казимир медленно кивает, а его взгляд устремляется вдаль, пока он пытается сопоставить все известное ему ранее с тем, с чем пришлось столкнуться этим вечером.

– У нас все будет хорошо? – спрашивает он, не обращая внимания на капли дождя, стекающие с его тонкой короны-обруча. – Я имею в виду наши души.

Я вспоминаю, что произошло с Жюли. На нее не просто напали, как на нас. Скованная владела ее телом в течение нескольких часов.

– Думаю, мы потеряли не много Света, – отвечаю я. – Нам повезло.

Казимир переводит взгляд на кровать своего отца и вскакивает на ноги.

– Нужно проверить его.

Поспешно подав мне костыль, он направляется к кровати

короля.

Я поднимаюсь и закрываю окно, на случай, если Скованная решит взобраться по стенам замка. Но когда закрываю задвижку, вдруг слышу тихое всхлипывание и оборачиваюсь.

По лицу Каза струятся слезы, а его ладонь лежит на лбу отца. Глаза короля Дюранда закрыты. Я подхожу ближе, но, когда вижу его лицо, тут же останавливаюсь. Он совершенно изменился и выглядит не только безжизненно, но и совершенно опустошенно, хотя черты его лица ни капли не изменились. Просто внутри него ничего не осталось... И это видно. Его душа не дремлет в теле, ожидая зова песни Загробного мира. Его душа ушла навсегда.

– Ох, Каз.

У меня перехватывает горло. Произошедшее с его отцом ужасно, почти за гранью понимания. Души священны и созданы для вечной жизни. И мне тяжело представить, что я могу вот так потерять близкого человека. Помогая себе костылем, я медленно обхожу кровать и кладу дрожащую руку на плечо Казимира.

– Мне очень жаль.

Он опускает голову. И сейчас напоминает брошенного ребенка.

– Я потерял всю семью.

В открытой двери появляется слуга с седыми прядями в волосах и с подносом в руках, на котором стоят настойки и

травяные зелья. Когда его взгляд падает на короля, его глаза расширяются, а затем он опускает поднос на стол и склоняется в низком поклоне.

– Примите мои искренние соболезнования, Ваше Королевское Величество.

Каз поднимает голову.

– Что ты сказал?

– Примите мои искренние...

– Нет, как ты меня назвал?

Я понимаю, что так зацепило Казимира и что он с таким трудом пытается принять. Слуга обратился к нему не «Ваше Высочество», не как к принцу.

– Ваше Королевское Величество, – повторяет слуга и склоняется еще ниже. – Да здравствует король Казимир.

8. Сабина

Дождь заливает открытую пещеру под развалинами замка Кре. Мы вместе с тремя старейшинами стоим на краю пространства, которое мы зовем внутренним двором, где ливню нас не достать.

– Простите меня, – наверное, в сотый раз говорю я. – Мне никогда не рассказывали, что *matrone* должна оставаться на мосту душ.

– Тебе многого не рассказывали, – вздыхает Надин, вновь закрепляя в волосах гребень из черепа морского угря. С ее каштановых волос все еще капает вода. Мы вернулись домой, чтобы предупредить о случившемся *famille*, а остальные Перевозчицы все еще мокнут под дождем, стараясь собрать как можно больше душ. – Мы обучали Аилессу, чтобы она заняла место Одивы, а не тебя.

В ее словах нет и капли насмешки, но мне все равно больно их слышать.

– Я прекрасно знаю это. – Я прикусываю дрожащую губу. Охота, сражения – все навыки, так ценимые Леуррессами, – всегда давались Аилессе легче. – Я не просила делать меня *matrone*.

– Конечно нет. – Пернель касается моей руки. Шанталь потирает свой темный лоб от нетерпения.

– Что случилось на мосту, Сабина? Я видела, как ты сра-

жалась со Скованными, когда они вырвались на свободу в прошлый раз, и проявляла большее мастерство.

Я качаю головой и отступаю назад, чувствуя, как грудь сдавливает словно тисками. Мне теперь даже страшно воспользоваться благодатью золотого шакала, чтобы успокоиться. Я не знаю, как объяснить, что мать осталась жива, хотя находится в Подземном мире. Ведь перед этим придется рассказать, почему Одива там оказалась, – что у нее был возлюбленный, но не *amouré*, от которого она родила ребенка. Меня. Да стоит мне хотя бы заикнуться об этом, как начнется анархия. А мне сейчас не справиться с восстанием.

Пернель протягивает ко мне руку.

– Куда ты собралась?

Я отступаю все дальше, не в силах сделать даже вдоха. И просто не понимаю, как успеть все и сразу – управлять своей *famille*, переправлять мертвых, освободить Аилессу, разобраться с матерью, остановить Скованных.

Надин хмурится:

– Мы даже не обсудили план действий.

– И нужно подготовить место, куда мы соберем Скованных, – добавляет Дольсса. – К тому же ты не рассказала о случившемся *famille*, Сабина. Ты должна поговорить с ними.

– Я знаю, но... – Черные точки мелькают у меня перед глазами, вынуждая упереться рукой в стену. – Мне нужна минутка, чтобы... – Я выпрямляюсь и шагаю к туннелю, ведущему наружу. – Скоро вернусь.

Я бегу по туннелям, вырезанным приливами. Эхо волн отдается в ушах, усиленное благодатью шакала. А перед глазами стоит Одива за завесой из воды в костяной короне с черепом ночной вечерницы на голове. Как я смогу возглавить Переправу, зная, что мать сверлит черными глазами мою спину?

Я поднимаюсь на верхний уровень, где туннели пещеры переходят в коридоры старого замка. Мой взгляд падает на выгравированные гербы замка Кре, повторяющиеся на арках и стенах. Ворон и роза – символ монархов, которые когда-то правили в Южной Галле. Кажется, они о чем-то предупреждают меня, но я слишком взвинчена, чтобы разбираться в этом. Поэтому бегу дальше к разрушенной арке, которую моя *famille* использует как вход, а затем вверх по осыпающейся каменной лестнице. И вот, наконец, вступаю на мокрую траву снаружи.

Наклонившись, я упираюсь руками в колени и пытаюсь заставить легкие работать. Дождь заливает лицо и стекает по волосам и кончику носа.

«Успокойся, Сабина. Просто дыши».

Сегодня произошло столько событий, что, кажется, этот день никогда не закончится.

– Сабина? – раздается хриплый и низкий голос Жюли.

Я вскидываю голову. Жюли выглядывает из-за развалин садовой стены замка в четырнадцати метрах от меня. Капюшон закрывает ее лицо от дождя, но благодаря ночному зре-

нию я вижу, как дрожат ее плечи. Я подхожу к ней и, схватив за руку, тащу под выступ зубчатой стены замка.

– Что ты здесь делаешь? – шиплю я. – Если кто-то из *famille* увидит тебя...

Мне даже страшно представить, как они разозлятся. Никто из посторонних не должен знать, где мы живем. Жители Довра держатся подальше отсюда. Они верят, что руины прокляты и здесь обитает призрак бывшего короля Южной Галлы. Предки Казимира не всегда правили этой страной.

– Что я здесь делаю? – Жюли упирает руку в бедро. – Ты бросила меня с Марселем.

Я на мгновение прикрываю глаза. Хоть что-то сегодня я сделала правильно?

– Прости. Я не смогла вытащить Аилессу и... сегодня Ночь Переправы. И мне пришлось... – Я замолкаю, когда взгляд падает на болезненно-бледную кожу Жюли. – Тебе не следовало приходить сюда, ты же знаешь... ну и вообще выходить на улицу. – Бастьен рассказал мне, что она уже лишилась большей части Света. – Переправа завершилась настоящим бедствием. Скованные души снова вырвались на свободу и...

– Бастьена арестовали.

Я распаиваю глаза:

– Что?

Жюли сбрасывает капюшон и пронзает меня свирепым взглядом.

– И тебя не было рядом, чтобы помочь ему. Я подслушала разговор гвардейцев. Они сказали, что ты убежала.

– Это не то, что... – Я потираю лоб, ощущая, как чувство вины захлестывает меня. – Мне казалось, ему ничего не угрожало, когда я убегала.

– Зато теперь, благодаря тебе, он в темнице. А к ворам никто не проявляет благосклонности. – Ее суровый взгляд смягчается, а подбородок начинает дрожать. – Они могут казнить его, если мы что-то быстро не придумаем.

Я вздрагиваю. Нельзя позволить Бастьену умереть. Я в долгу перед Аилессой.

– Гвардейцы разобрались, как мы проникли в замок?

Жюли кивает.

– Мы с Марселем едва унесли ноги.

– Тогда как нам проникнуть в Бо Пале?

Поиски подходящего места и подготовка к взрыву заняли две недели.

Она делает глубокий вдох, словно не раз репетировала свой ответ.

– У меня есть идея. В ту ночь, когда мы с Бастьеном и Марселем привели Аилессу в катакомбы...

– Ты хотела сказать, когда вы похитили ее?

– Да, да. – Жюли отмахивается от моих слов. – Одида попыталась освободить ее... попыталась отвлечь нас, чтобы Аилесса могла сбежать. И это почти сработало. – Она быстро объясняет, как множество гигантских летучих мышей напа-

ли на них.

Я вспоминаю ту ночь.

– Одива пела и молилась Тирусу, – бормочу я. Когда старшие Леуррессы отправились на поиски Аилессы, мать осталась в замке Кре. – Я видела, как она порезала палец о зубы черепа ночной вечерницы. Видимо, для ритуала требовалась ее кровь.

Что неудивительно. Ведь Аилесса – ее дочь и одной с ней крови. Поэтому летучие мыши по зову магии направились туда, где ее удерживали.

– Отлично, – говорит Жюли. – Тогда ты знаешь, как это сделать.

– Возможно.

Кажется, это не сложнее ритуала призыва *amouré* Аилессы, который я проводила.

– Но ритуалы обращения к Тирусу используются только в крайних случаях.

– Ты разве не слышала, что я говорила? Воров отправляют на виселицу. Что это, если не крайний случай, Сабина?

Во рту все пересыхает, и я заставляю себя сглотнуть.

– Ну, не думаю, что нашествие ночных козодоев или саламандр сможет причинить столько же вреда, как летучие мыши.

– А золотые шакалы? – спрашивает Жюли.

– Они не обитают в Южной Галле. – Убитый мной шакал невероятная редкость. И вообще, непонятно, как его занесло

сюда. – Ритуалы Леурресс сильны, но не способны создать новую жизнь.

– Так я и думала. – Она склоняет голову набок. – Значит, если нам необходимо, чтобы животные напали на замок, они должны обитать где-то рядом?

Я хмурюсь, заметив, как блестят от нетерпения ее карие глаза.

– У меня уже есть три кости благодати, Жюли. Я не могу...

– У Одивы их было пять.

– Я не *matrone*. Вернее, не совсем. Аилесса скоро вернется, и...

– Но пока же ты *matrone*. Так почему бы тебе не заполучить еще одну кость. – Она пожимает плечами. – А когда Аилесса наденет корону, выбросишь ее. К тому же, если змеи отвлекут гвардейцев, ты сможешь вернуть Аилессу домой быстрее.

– Змеи?

У меня все сжимается внутри.

Она наклоняется ближе ко мне.

– Разве ты не понимаешь? Аилесса с Бастьеном поймут, что змеи приползли, повинуясь магии Костяных волшебниц, и отыщут способ вырваться из замка.

У меня вырывается резкий смешок.

– Если только их не парализует от яда.

– Можешь не беспокоиться об этом. Сейчас покажу. – Жюли спешит к садовой стене и достает из-за нее мешок из

грубой ткани, завязанный узлом.

Ох, нет...

Она быстро возвращается назад с такой широкой улыбкой, что видно небольшую щель между передними зубами. Вот только даже от такой короткой пробежки ее дыхание стало тяжелым. Жюли сейчас намного слабее, чем месяц назад, когда я сражалась с ней под мостом во время попытки Аилессы пройти обряд посвящения. К сожалению, она уже никогда не восстановит силы, потому что потеряла слишком много Света. Никто из жителей Довра, на которых напали Скованные, не восстановится.

Сморщив нос, я смотрю на извивающийся мешок.

– Что там?

– Гэльский узорчатый полоз. – Жюли перекидывает свою золотистую косу через плечо. – Он не ядовит, но Марсель говорит, что этих змей часто путают со степными гадюками. У них очень похожий окрас, к тому же когда полозы чувствуют угрозу, то сплющивают свои треугольные головы, чтобы выглядеть как гадюка.

Я массирую виски, чувствуя, как начинает болеть голова.

– Не знаю, Жюли.

Старейшины ждут моего возвращения. Хотя, возможно, увидев у меня еще одну кость, они поверят, что я изо всех сил стараюсь стать хорошей *matrone*.

– Я хочу освободить Бастьена... но что, если Аилессе лучше оставаться в Бо Пале?

Я вспоминаю коварное лицо матери. А затем и ее слова: «Ей всего-то нужно коснуться моей руки, чтобы Тирус выпустил меня».

– Лучше? – усмехается Жюли. – Ты же сама сказала, что Скованные на свободе. А в прошлый раз они стекались к Аилессе, словно она сияла, как маяк в ночи.

– Это происходило потому, что она играла песню сирены, чтобы открыть Врата.

Сегодня вечером это сделала я, но, похоже, Скованные, наоборот, убегали от меня. А моего ожерелья они пугались.

– Но ей все еще угрожает опасность, – настаивает Жюли. – Нам стоит снова скрыться под землей. И когда Бастьен с Аилессой вернутся...

– Аилесса не может вернуться! – огрызаюсь я. – Наша мать жива, Жюли!

Она морщит лоб:

– Ты говорила, что она прошла через Врата и...

– Я видела ее с другой стороны Врат сегодня вечером. Она сказала, что жива, и, кажется, не обманывает. – Я медленно втягиваю воздух. Мои проблемы далеки от решения, но все же становится легче, когда делишься ими с кем-то. – Пока Одива заперта там. Но она хочет, чтобы Аилесса помогла ей выбраться оттуда.

С мгновение Жюли обдумывает мои слова.

– А ты не думаешь, что тебе стоит предупредить Аилессу?

Я тру лицо рукой.

– Не знаю.

Сегодня я и сама получила предупреждение. Сначала мне показалось, что серебряная сова защищает мою сестру от очарования Подземного мира, но, возможно, птица знала, что наша мать будет поджидать у Врат Аилессу. Прикусив губу, Жюли поглядывает в сторону Довра. Если бы высокие башни замка Кре не осыпались, мы бы могли с них увидеть крепостные стены Бо Пале.

– Послушай, – говорит она, – я не знаю, что сказать об Аилессе и вашей матери, но Бастьен – мой лучший друг. Ты сегодня оставила его в непростой ситуации и просто обязана что-то сделать, чтобы это исправить.

Она протягивает мне мешок, который извивается из-за дергающегося внутри полоза.

– Так сделай же что-то, Сабина. Что-то правильное.

Я вздыхаю. «Мне нужно исправить тысячу вещей. Так почему бы не начать с этого?» – успокаиваю себя я и забираю мешок.

– Молодец, – говорит Жюли. – Поторопись.

Пробормотав прощание, я быстро возвращаюсь в Шато Кре, а затем поднимаюсь в одну из невысоких неразрушенных башен, в которой находились покои матери. У нее хранилась небольшая коллекция ритуальных клинков – костяных ножей, которые она использовала для жертвоприношений, чтобы получить благодати животных.

Выбрав изогнутый кинжал, которым она убила гадюку, я

развязываю мешок и бросаю его на пол. А затем поднимаю клинок, готовясь нанести удар в любой момент. Еще месяц назад меня бы уже начало тошнить, но сейчас лишь урчит в животе. Да и отвращение я испытываю лишь к себе. Ненавижу жажду плоти, полученную от благодати шакала. А убийство змеи только усугубит ее. От этой мысли я вздрагиваю. Какие еще «подарки» я получу сегодня вечером? Мать получила благодать от асписовой гадюки. Как это повлияло на нее?

Змея выглядывает из мешка. Ее зрачки круглые, а голова плоская и треугольная. Жюли говорила, что полозы сплюсывают голову, когда чувствуют опасность. А сейчас для нее именно такая ситуация.

«Не думай о том, что делаешь, Сабина. Положись на благодать шакала и просто действуй».

Жажда крови усиливается. Я взмахиваю клинком. *Хрясь.* И голова змеи откатывается в сторону.

Я стараюсь не смотреть на змею, потому что рот начинает наполняться слюной, поэтому практически на ощупь вспарываю ей брюхо и стягиваю кожу вместе с мясом, пока не добирюсь до одного из позвонков. А затем разрезаю ладонь костяным ножом и прижимаю к ране кость. Змеиная благодать окутывает меня волной покалывающего жара. Но я не позволяю себе раздумывать об этом. Нужно покончить со всем как можно быстрее.

Сжав кулак, я окропляю каменный пол. А затем раскиды-

ваю руки и направляю сложенные чашечкой ладони к Подземному миру.

– Услышь мой голос, Тирус, – взываю я к богу, – песню сирены моей души. Отыщи мою сестру через общую кровь. Призови существ, подобных этому, ей на помощь. Прикажи атаковать замок, где находится моя сестра.

Все. Дело сделано.

Я быстро заворачиваю руку в тряпку и беру еще одну, чтобы вытереть кровь с пола. Но когда поднимаю голову змеи, у меня перехватывает дыхание. Даже после смерти она осталась треугольной. А зрачки, округлившиеся в темном мешке, стали узкими, как у всех ядовитых пород.

Это не гэльский узорчатый полоз. А смертельно опасная степная гадюка.

Марсель, может, и объяснил Жюли, чем они отличаются, но сомневаюсь, что он отправился на охоту вместе с ней. И она поймала не ту змею.

Я смотрю на кровь на полу, чувствуя, как ужас расплзается по телу. Уже ничего не исправить. Ритуал, в которых используют кровь и кости, нельзя отменить.

А значит, я только что отправила всех окрестных гадюк напасть на Бо Пале.

9. Бастьен

Я прохаживаюсь вдоль решетки своей камеры, вглядываясь в тени от факела по другую сторону от нее. До рассвета осталось чуть больше часа. А Аилесса до сих пор не вернулась. Но сейчас самое лучшее время, чтобы прокрасться сюда. Праздник закончился – по крайней мере, музыка стихла, – а стражник уснул. Его храп слышно с другого конца коридора, когда воцаряется тишина между раскатами грома.

Где ты, Аилесса?

Даже на костыле за это время она бы успела преодолеть все лестничные пролеты и вернуться обратно. Я вновь кручу в руке золотой гребень для волос. А вдруг Казимир узнает, что она приходила ко мне? Станет ли он запираить ее в комнате, если не делал этого раньше?

Я провожу руками по волосам. Нужно отыскать способ выбраться отсюда самостоятельно. И, конечно же, отыскать Аилессу. Чтобы мы сбежали из этого проклятого замка. Но как? Я медленно пересекаю камеру еще дважды, когда мне в голову приходит идея.

– Эй! – прижавшись к решетке, кричу я. – Стража!

Не дождавшись ответа, я пронзительно и громко свищу.

– Затихни! – раздается хриплый и сонный голос охранника. – И не вздумай кричать снова, если не хочешь получить тумаков, парень!

Вот только это пустая угроза, потому что он не подходит ко мне. А через несколько секунд вновь раздается храп.

– Мне безумно скучно! – кричу я. – Может, составишь мне компанию? Мы можем поговорить о твоей девушке, Софи. – Я усмехаюсь. – Твой капитан знает, что вы тут делаете?

На мгновение повисает тишина. Затем раздается топот сапог. И вскоре передо мной появляется явно нервничающий стражник.

– Кто сказал тебе о... – Он стискивает челюсть, обрывая себя. – Я не знаю никакой Софи.

– Ты разговариваешь во сне, дружище. – Я подмигиваю ему.

Сделав три быстрых шага, он оказывается вплотную к решетке. А затем резко протискивает между прутьями мясистую руку, чтобы ухватить меня за горло.

– Расслабься, я не стану доносить на тебя. Особенно если ты согласишься на сделку. Я тут поковырялся в соломе и нашел маленькое сокровище. – Я показываю ему гребень. – Он из настоящего золота. И изумрудов. На мой взгляд, он стоит достаточно франков, чтобы отпереть эту дверь, что скажешь?

Стражник пристально смотрит на гребень, а его пальцы подергиваются от желания схватить украшение.

– Думаешь, сможешь подкупить меня? – фыркает он. – Капитан оторвет мне голову, если я выпущу тебя.

– Мы можем сделать вид, что я напал на тебя. – Я пожи-

маю плечами. — Давай подобью тебе глаз и оставлю болтаться ключ в замке. А ты вздремнешь на соломе. Так что, когда капитан во время обхода обнаружит тебя в камере, ты будешь выглядеть немного потрепанным, но при этом совершенно невинным.

— Отдай мне гребень, и я подумаю о... — ворчливо начинает он, но затем его глаза широко распахиваются.

На лице явственно отражается ужас. При этом взгляд направлен мне за спину куда-то под потолок. Я поворачиваюсь и вижу, как сквозь решетку проползает змея. Она быстро соскальзывает с каменной скамьи, а затем прячется в соломе на полу.

Я прижимаюсь спиной к прутьям. Это же чертова степная гадюка.

— Открой дверь, — говорю я стражнику, застывшему словно статуя. — Быстрее, или сделка отменяется!

Он нащупывает связку ключей на поясе. Но тут что-то скользит по носку его ботинка. Стражник начинает громко ругаться и пинаться, словно безумный.

Я оглядываюсь за спину. Но не вижу никакого движения в соломе, которое бы выдало местоположение змеи.

— И часто у вас тут ползают гадюки?

В темноте коридора темный пол начинает извиваться, словно превратился в темную воду.

«Не смотри туда, Бастьен», — одергиваю себя я, потому что не хочу спугнуть стражника, опасаясь, что он сбежит.

– Золотой гребень в обмен на ключи, – требую я, сохраняя невозмутимый вид, даже когда одна из гадюк начинает сворачиваться у него за спиной.

Один укус не смертелен.

– Давай же. Передадим их друг другу одновременно.

Стражник кивает и придвигается ближе. На его лбу выступили капли пота. Он приподнимает ключи. Я приподнимаю гребень.

– Готов? – спрашиваю я. – Раз, два, тр...

Внезапно свернувшаяся змея бросается вперед. И вонзает свои клыки в ногу стражника. Он кричит и валится на решетку. А ключи выпадают у него из руки. Но я хватаю не их, а меч из ножен стражника. За спиной раздается шипение. Я резко разворачиваюсь и взмахиваю мечом. Клинок рассекает змею как раз в тот момент, когда она выпрыгивает из соломы.

Стражник с криком падает на пол. И его кусает еще одна гадюка. *Merde*. Еще несколько особей скользит к нему... и ко мне.

– Вставай! – кричу я, протискивая меч сквозь прутья решетки, чтобы отогнать еще одну змею.

А затем прилагаю все силы, чтобы поднять стражника. Он развалился на полу и стонет, но мне наконец удастся поставить его на ноги. Вот только еще две гадюки бросаются в атаку. Первую я успеваю разрезать клинком, но вторая пролетает сквозь решетку в камеру.

Прекрасно.

Я придерживаю стражника и осматриваю камеру. А вдобавок еще и пытаюсь дотянуться до ключей, осторожно просунув ботинок между прутьями. Но тут с другой стороны на стражника бросается змея. И впивается в его левую руку. Он сгибается от боли. Поэтому у меня не хватает сил его удерживать. И стражник с глухим стуком падает на пол. Его уже укусили трижды. Моя грудь опускается. От такого количества яда не излечиться. Гадюка, забравшаяся в мою камеру, свивается в кольцо. И обнажает клыки. Я замахиваюсь и рублю мечом, но она успевает отпрыгнуть в сторону. Еще одна змея проползает через решетку под потолком. А две проползают между прутьями из коридора.

Merde, merde, merde.

Я кручу мечом вокруг себя. Змеи шипят и широко разевают пасти. Огрызаются на меня. Но я продолжаю рубить. Я понял, почему они приползли сюда. Всею виной магия Костяных волшебниц. Мне уже доводилось встречаться с подобным. Я бросаю еще один взгляд на коридор. Где Аилеса? Мы должны уйти из замка вместе.

Обезглавив двух гадюк, я спешу к решетке. Змеи обвивают безжизненное тело стражника. Сглотнув подступившую к горлу желчь, я стараюсь дотянуться до упавших ключей. Отбившись еще от трех змей, я цепляю кольцо от ключей кончиком меча. И как только выпрямляюсь, сбрасываю обвившуюся вокруг лодыжки змею и бегу к двери камеры.

На кольцо шесть ключей. Первые два не подходят. Я вожусь с третьим, когда сверху падает еще одна гадюка. *Merde*. Видимо, она обвилась вокруг прута под потолком. Но только я собираюсь стряхнуть змею, как она впивается клыками мне в запястье. Ослепляющая боль пронзает меня. И с криком роняю ключи.

– Бастьен!

Аилесса.

Черные точки пляшут перед глазами. Но, несмотря на это, мне удастся разглядеть Аилессу. Ее каштановые волосы мокрые. Платье пропиталось влагой и порвано в нескольких местах. А в руке она сжимает костяной нож, который покрыт кровью. Это кровь Казимира?

– Н-не стоило спускаться, – выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. – Слишком опасно.

Она бросает взгляд на мертвого охранника, и ее кремовая кожа бледнеет.

– У-уходи, – хрипло требую я.

Мне едва удастся выдать эти слова и пошевелиться. Боль не утихает. Ей надо бежать отсюда. Но она не уходит. А спешит к моей камере, быстро переставляя свой костыль. Видимо, мой затуманенный мозг подводит меня, потому что мне кажется, будто змеи расползаются перед ней. Но потом я вспоминаю, что летучие мыши не нападали на нее в катакомбах. Только на меня, Жюли и Марсея.

Аилесса хватает ключи и пробует вставить их в замок. Га-

дюка бросается на меня, но Аилесса успевает отбить ее ко-
стылем, после чего вновь пробует открыть двери трясущи-
мися руками.

– Зачем Сабина вызвала степных гадюк, если знала, что
ты здесь? Я думала, вы подружились.

«Скорее заключили союз», – пробивается сквозь пульси-
рующую боль мысль.

– Их... послала Сабина?

Аилесса находит правильный ключ. Внутри замка звяка-
ют перемычки. Она распахивает дверь и вкладывает мне в
руку костяной нож. А затем хватает меч и разрубает змею,
нацелившуюся на мою лодыжку.

– Быстрее, Бастьен. Передвигай ноги. А я буду отгонять
змей.

Спотыкаясь, я выхожу из своей камеры и медленно иду по
коридору темницы. А Аилесса ковыляет рядом, размахивая
мечом.

– Это точно дело рук Сабины, – наконец отвечает она на
мой вопрос. – Ни у одной из Леурресс нет благодати степной
гадюки, а она *matrone*... по крайней мере сейчас. – Ее лицо
на мгновение мрачнеет. – И как *matrone* Сабина могла полу-
чить дополнительные кости благодати. К тому же я видела
подобную магию только в исполнении мамы. Наверное, что-
бы использовать ее, необходимо стать *matrone*.

Впереди появляется лестница, ведущая из темницы.
Аилесса направляется к ней. Я стискиваю зубы и шагаю сле-

дом. Аилесса расчищает нам путь мечом так, словно косит пшеницу. Добравшись до первой ступеньки, мы инстинктивно беремся за руки. Она поддерживает меня, не давая упасть, а я – ее, помогая удерживать равновесие с костылем. Нам навстречу ползут змеи, и я отбрасываю их ногой. А Аилесса перерезает еще двоих.

Добравшись до верхнего уровня, мы оказываемся перед приоткрытой дверью. Я толкаю ее плечом. И мы выходим в узкий коридор. Гадюки свисают с канделябров и извиваются на полу. Аилесса откидывает подальше двух ближайших особей. После чего мы шагаем вперед, под их шипение.

– Забыла тебя предупредить, – тяжело дыша, говорит она. – Сабина не открыла Врата в Подземный мир.

Гадюка бросается к моей ноге. Но я успеваю разрезать ее костяным ножом.

– Откуда ты знаешь?

– Вечером Скованная... – Аилесса отрубает голову змее, – напала на короля. – В ее глазах вспыхивает боль. – Он погиб, Бастьен.

Холод пронзает мое разгоряченное тело. Мы сворачиваем в проход, а затем в длинный коридор, который тянется по всей длине замка. И все это время я пытаюсь осознать сказанное Аилессой. Если появился один из Скованных, то вскоре появятся и другие. А раз король Дюранд мертв...

– Принц все еще жив, да?

Аилесса отводит взгляд.

– Насколько я знаю.

Merde. Значит, теперь Казимир король Южной Галлы. И стал более могущественным, более значимым и... возможно, более желанным для Аилессы. Так что ей будет еще сложнее убить его. От этих мыслей желудок скручивается в узел.

– Тебе вновь придется прятаться под землей. – Я не хочу думать о связи их душ прямо сейчас, когда есть более насущные проблемы. – Скованные найдут тебя, как в прошлый раз, и...

– Сегодня не я играла песню сирены. – Морщась, она медленно ковыляет вперед. Видимо, ее сильно беспокоит колелно. – Поэтому они опасны для меня не больше, чем для других.

Ну хоть это радует. Но ей все равно нужно выбраться из замка. Аилесса откидывает в сторону еще одну гадюку, и я вновь переплетаю наши руки, чтобы поддержать ее. Боль в запястье становится сильнее, так что приходится стиснуть зубы, чтобы перетерпеть ее. Аилесса выставляет меч перед нами, готовясь отразить атаки змей, но они убираются с нашего пути. Пока мы держимся за руки, они мне не угрожают.

Чувствуя, как меня покидают силы, я прижимаюсь к ней. Напряжение в мышцах немного ослабевает, когда успокаивающее тепло ее тела проникает в меня.

– Думаю, можно попробовать выбраться через новый колодец, – говорит она. – Скорее всего, гвардейцы убеждали оттуда, когда полезли змеи.

Мы шагаем по коридору дальше, не встретив никого на пути. Если не считать двух скрючившихся фигур, которые сильно напоминают мертвого стражника из темницы. Я сглаживаю. Не верится, что Сабина спокойно отправила змей на пасть на замок. Надеюсь, большинству живущих в замке людей удалось спрятаться в шкафах или других укромных местах, где им ничего не угрожает.

Наконец, мы добираемся до большого зала, который теперь кишит змеями. Они извиваются на столах и оплетают кубки, а из-за острых клыков виднеются раздвоенные языки. С наступлением утра эти чудовища расползутся. Ведь с рассветом разрушились чары Одивы, когда она направила летучих мышей в катакомбы. Я смотрю сквозь окна на светлеющие гроззовые облака. Думаю, первые лучи появятся в ближайшие полчаса.

Мы с Аилессой проходим через фойе, ведущее во внутренний двор. Ливень сменился морозящим дождем. Змеи ползают по камням и вокруг образовавшихся луж. Я отталкиваю пару гадюк, которые оказались слишком медлительными, чтобы убраться с нашего пути. К счастью, мы уже добрались до узкой башни, в которой расположили колодец. Распахнув двери, я, пошатываясь, захожу внутрь.

Голова кружится. Воздух с трудом пробирается в легкие. А колотая рана на спине пульсирует сильнее, чем укус змеи. Но и отдыхать времени нет. Я должен спустить Аилессу в колодец. А лестницу опутали змеи, которые ползут вверх. Ей

все еще требуется моя помощь, а мне не справиться без ее защиты.

– У меня возникла идея, – говорит она. – Дай-ка мне костяной нож.

Как только я протягиваю клинок, она роняет меч и костыль, а затем разрезает ножом ладонь. После чего размазывает выступившую кровь по моему лбу.

Я вздрагиваю.

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь обмануть змей. Ритуалы Леурресс основаны на крови и костях. Мы с Сабиной одной крови. Думаю, именно она привлекла змей в Бо Пале. И, как мне кажется, защищает меня. Надеюсь, теперь она будет защищать и тебя. – Она размазывает еще немного крови по моей шее. – Давай проверим, права ли я.

Мы осторожно отступаем друг от друга. Она прислоняется к стене, а я хватаю упавший меч и разворачиваюсь, чтобы отбить атаки змей. Но они не нападают. А те, что извивались у моих ног, расползаются в стороны, как только я делаю шаг. Даже упавшая со стропил змея пытается поскорее убраться подальше.

Я выдыхаю и подаю Аилессе костыль.

– Ты великолепна, – признаю я и целую ее в щеку.

Но мои слова вызывают у нее улыбку лишь на мгновение. Она выхватывает факел из подставки. Скорее всего, его оставили здесь гвардейцы.

– Скоро наступит рассвет, – передавая мне факел, говорит она. – Тебе лучше уйти, пока есть возможность.

Я напрягаюсь.

– Ты хотела сказать – «нам лучше уйти».

Она слегка отступает назад, как сделала это в темнице. И старательно отводит взгляд в сторону.

– Аилесса, посмотри на меня.

Несколько секунд я жду, пока она наконец поднимает свои прекрасные глаза. В свете факелов они горят золотом от упрямства и непокорности.

– Ты должна уйти со мной, – говорю я. – Ты ничем не обязана принцу.

– Он только что лишился отца.

– Его готовили к этому. Все знали, что король недолго задержится в этом мире.

– К тому же мне нужно разобраться с гадюками. Если Казимир умрет, я умру вместе с ним и...

– Если он смог пережить эту ночь, то доживет и до утра. Ты сама сказала, что до рассвета недолго осталось.

Она медленно вздыхает.

– Я потеряла Свет, Бастьен.

Все внутри переворачивается от этих слов.

– Что?

– Скованная напала и на Казимира. А когда начала вытягивать из него Свет, то он начал исчезать и у меня.

У меня перехватывает дыхание на мгновение. Мысль о

том, что Аилесса могла лишиться души, слишком ужасна.

– Т-ты в порядке?

Свет нужен всем, но для Леурресс он особенно важен. Если они не получают его от луны и звезд Элары, то истощаются и слабеют. А Свет, украденный Скованными, восстановить нельзя.

– Сколько она утянула из тебя?

– Не очень много. Я в порядке. – Она сжимает зубы. – Но разве ты не видишь? Я должна остаться здесь, пока не найду кости благодати, чтобы в следующую Ночь Переправы загнать всех Скованных во Врата. – Аилесса выпрямляется. – Я все исправлю, как только моя *famille* примет меня в качестве *matrone*.

Я смотрю на нее, чувствуя, как учащается пульс. Нас с Аилессой уже разделяли на мосту душ, но я смог пробиться обратно к ней.

– Так ты хочешь, чтобы я оставил тебя здесь, когда Скованные вырвались на свободу и могут высосать Свет твоей души через Казимира?

Она прищуривается, услышав резкие нотки в моем голосе.

– Я всю жизнь училась сражаться со Скованными.

Я сужаю глаза. От злости на нее. Но еще больше на себя за то, что боги не выбрали меня ее *amouré*. Да, это неразумно, недостижимо, и от меня ничего не зависело. Но мне ненавистно, что она плюет на опасность, чтобы защитить жизнь

и душу другого парня... который к тому же прячет ее кости благодати.

– Разве... – Голос срывается, и мне приходится сделать глубокий вдох, чтобы продолжить. – Разве я могу отпустить тебя?

– Доверься мне, – в ее голосе звучит не меньше раздражения, чем у меня.

– Аилесса, прошу...

Она вздрагивает, когда я тянусь к ней, и вновь отступает немного назад. А мне вдруг кажется, что между нами образуется пропасть, хоть и не понимаю, что ее породило.

– Ты же знаешь, что я чувствую к тебе, Бастьен. И это не изменится, что бы ни случилось.

– Что бы ни случилось? – внутри все сжимается от разрастающейся боли. – Что это значит?

Она качает головой, словно и рада бы все объяснить, но и сама не понимает, что происходит. И вдруг будто сдерживающие ее путы лопаются. Аилесса бросается ко мне и обхватывает руками мою талию. А затем изо всех сил сжимает дрожащими руками. Но из-за факела и меча я даже не могу обнять ее в ответ. И все еще чувствую, как она ускользает от меня. Как же легко представить ее в короне и на троне рядом с Казимиром. Она родилась, чтобы стать королевой.

А может, боги выбрали ей именно такую судьбу – чтобы она правила Леуррессами в Южной Галле? Тогда я проклинаю таких богов. Аилесса не их пешка, но они почему-то чи-

нят ей препятствия на каждом шагу, вынуждая двигаться в нужном им направлении. Не позволяют ей самой решать, как жить.

Но что бы произошло, *появись* у нее такой выбор? Если бы на кону не стояла чья-нибудь жизнь?

Выбрала бы она меня?

Она медленно втягивает воздух и выдыхает, а затем отступает назад.

– Уходи, Бастьен.

Она прижимается губами к моим губам, и все эмоции, словно по щелчку, исчезают с ее лица. А у меня в груди все сжимается. Вдруг я ее никогда больше не увижу?

Приходится призвать все свои силы, чтобы отойти от нее. Я засовываю меч за пояс, подхожу к краю колодца и спускаюсь на три ступени, а затем замираю. Но не позволяю себе смотреть на нее. Потому что проститься будет еще сложнее.

– Когда решишь сбежать из замка...

– Я сбегу.

– ...можешь найти меня с Жюли и Марселем в квартире Бердин.

Я объясняю, что она находится в квартале борделей над таверной «Ле Кер Персе», что переводится как «Пронзенное сердце».

Как же иронично.

Спускаюсь еще на одну ступеньку, и сила воли покидает меня. Я смотрю на Аилессу. В ее глазах застыли слезы. А гу-

стые каштановые волосы чуть подсохли и выглядят растрепанными. Змеи выются вокруг ее ног, но не осмеливаются подползти ближе, словно ее красота неприкосновенна.

– Я люблю тебя, Аилесса.

Она делает глубокий вдох:

– Я тоже люблю тебя, Бастьен.

В горле встает ком.

– До встречи.

И я спускаюсь в колодец.

10. Аилесса

Измученная и удрученная, я наконец добираюсь до третьего этажа Бо Пале и ковыляю в покои короля Дюранда. Но Казимира там нет. Я вздыхаю, понимая, что сил его искать не осталось. «*Он точно жив, – говорю себе я. – Ведь будь иначе, умерла бы и я.*». К тому же уже наступил рассвет. Гадюки уползают из замка так же быстро, как появились, а первые лучи солнца за окном рассеивают грозовые тучи. Наверное, это должно обнадеживать, но я не чувствую ничего подобного.

Я опускаюсь в кресло, стоящее рядом с кроватью с балдахин. Тела короля в ней нет. Скорее всего, его унесли слуги. Я взываю к Эларе, молясь, чтобы его душа обрела покой, но у меня тут же все сжимается внутри. Его душа погибла.

Наклонившись вперед, я прижимаю тыльные стороны ладоней к слезящимся глазам. Может, я и спасла Каза от Скованной, а Бастьена от змей, но король погиб... и, скорее всего, с ним еще несколько человек в замке. Вот только этого бы не произошло, если бы я не проторчала в замке так долго, а вернулась домой и возглавила свою *famille*. Но я все еще здесь. И сама так решила.

Меня вновь охватывает пугающее чувство, словно меня разрывает пополам. Может, так болит душа, рвущаяся на части. Сабина бы сказала, что это не так. Ей всегда удавалось

подбодрить меня мудрыми фразами, а потом рассмешить какой-нибудь чепухой. Вот что сейчас придало бы мне сил.

Аилесса... Аилесса...

Мама?

Ее вкрадчивый голос зовет меня, но звучит приглушенно, словно она находится под водой. Неужели я заснула? Я решаюсь пойти на этот звук. Меня окружает полнейшая темнота, как бывает в катакомбах, куда не проникает свет луны и звезд. И вдруг впереди появляется удивительно красивая Одива. Ее все так же украшают пять костей благодати, а сапфирово-синее платье, как и кончики волос цвета воронова крыла, слегка колышутся.

– Аилесса, мой первенец, – говорит она. – Моя свирепая и верная дочь.

Я словно парю, хотя и пытаюсь удержаться на земле. И, видимо, уснула. Это точно сон. Мама никогда не смотрела на меня с такой нежностью. И никогда не хвалила так легко, по крайней мере меня.

Она протягивает ко мне руку. И я тут же тянусь к ней, хотя меня и саму это удивляет.

Почему я все еще хочу добиться ее любви?

Но когда между нашими пальцами остается меньше сантиметра, между нами с криком пролетает птица. Серебряная сова. Она взмахивает крыльями, и мама исчезает. Но на ее месте появляется незнакомая корона из вырезанных из оникса перьев и мерцающих рубинов. А за ней Бо Пале, из-

вестняковые стены которого окрашиваются в черные и красные цвета.

– Аилесса... Аилесса...

Снова слышу свое имя, но в этот раз не голосом матери.

– Аилесса...

Кто-то трясет меня за плечо. Вздвогнув, я открываю глаза. И вижу Казимира, склонившегося надо мной с обеспокоенным видом. Я поднимаю голову с королевской кровати. И чувствую головокружение.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Это ты у меня спрашиваешь? – Каз смеется, но смешок выходит грустным и сердитым. – Куда ты убежала?

– Я... прости.

Мысли все еще занимал сон, а еще интересовало, что он означает. Поэтому я не сразу разглядела его слегка покрасневшие глаза и устало опущенные плечи. Всего несколько часов назад он потерял своего отца в этой комнате, а затем замок наполнили гадюки. И погибло еще больше людей. Даже не представляю, что он чувствует сейчас.

Но только я открываю рот, чтобы спросить, сколько еще жертв, как он говорит:

– Вчера вечером ты назвала меня своим *amouré*.

Внутри все сжимается. И я смотрю на руки, чтобы не встречаться с ним глазами. Но чувствую, как он рассматривает меня.

– Я устал от твоего притворства. А еще больше устал от

отчаянных попыток поверить, что ты обычная девушка. В тебе нет и капли обычного, Аилесса. И я не сомневался в этом с того момента, как вновь увидел тебя на том подземном мосту. Ты, твоя мать, твоя сестра... Вы все обладали силой, которую я не понимаю.

Не дождавшись от меня ответа, он продолжает:

– Ты говорила о Скованных и Свете, который можно украсть. – Его голос срывается, и на мгновение повисает тишина.

Я поднимаю глаза и вижу, что он смотрит на кровать, где недавно умер его отец.

– Что это значит? – Каз вновь переводит взгляд на меня. – Кто... что... ты?

В глубине души мне хочется рассказать ему все. Но сможет ли ему правда? Я не могу раскрыть свою тайну. Казимир стал королем. Как он воспользуется своей властью, если узнает, что я одна из сорока шести женщин и девочек, владеющих опасной магией костей, которые живут в его королевстве? Доверится ли он мне, девушке, которая родилась и воспитывалась в *famille*, где с ранних лет обучают перевозить мертвых? Девушке, которая должна заслужить это право, пожертвовав своим *amouré*... им? Да он же прячет от меня кости благодати!

– Я твой друг, – говорю я. – И надеюсь, после сегодняшней ночи ты не сомневаешься в этом.

Он разглядывает меня, слегка покусывая край нижней гу-

бы.

– Верно, не сомневаюсь. Думаю, пришло время доказать тебе, что и я твой друг. – Каз нервно крутит кольцо с драгоценными камнями на пальце. – Ну, если ты сможешь простить меня.

– Простить тебя за что?

– За то, что обманывал тебя.

Медленно вздохнув, чтобы слегка успокоиться, он подходит к шкафу из красного дерева. Открывает какой-то ящик и достает небольшой сверток. Мне едва удастся подавить вздох, когда я понимаю, что это – кожаный мешочек для монет, подвешенный на шнурке.

– Я никогда не терял твои кости благодати, – вернувшись ко мне, признается он.

Сердце гроыхает в груди. И я резко вскакиваю на ноги. Забинтованное колено болит, но мне плевать. Я хватаю мешочек дрожащими руками и перекидываю шнурок через голову. Благодать расплзается по телу, и все чувства резко обостряются. Я закрываю глаза, чтобы сродниться с ними.

– Ты в порядке? – неуверенно спрашивает он.

От его близости по спине расплзаются мурашки, от проснувшегося шестого чувства тигровой акулы. Я вновь готова парить, словно сокол, могу держать равновесие, как горный козел, и полна сил, как акула. Такая, какой и должна быть, обладая благодатями трех сильных и необыкновенных животных.

– Я чувствую себя цельной, – наконец отвечаю я и делаю глубокий вдох.

Теперь все будет хорошо. Я смогу защитить Казимира до следующей Ночи Переправы, а затем вернуться к Сабине и своей *famille*...

По телу расползается озноб.

– Каз, – хватая его за руку, шиплю я. – Встань позади меня. Быстро.

Но он не слушается, а вытаскивает кинжал и поворачивается по мне спиной, готовый отразить любую опасность. Вот только у него нет зрения, как у сокола. И Каз не видит сияния *chazoure*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.